

КРАСНЫЕ ВОЛКИ

ШВЕЦОВА ИРИНА

Ирина Швецова

Красные волки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19206596

ISBN 9785447493813

Аннотация

Жизнь прекрасна, когда ты коммодор собственного наемного космофлота. Ты дерешься с пиратами, залечиваешь раны в медотсеке, пересекаешь по секторам в поисках выгодных контрактов. Но все меняется, когда в твоей жизни появляется сестра из забытого прошлого. Ты не знаешь о ней ничего, она знает о тебе все. Вы абсолютно разные, но неразрывно связаны друг с другом: пока живет одна, другая исчезает. Получится ли избавиться от нее навсегда? А может быть, выйдет так, что останется кто-то один?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	53
Глава 4	75
Глава 5	97
Глава 6	127
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Красные волки

Ирина Швецова

© Ирина Швецова, 2016

© Ирина Швецова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Марк сопровождал коммодора Карен Рэджи на деловую встречу. Он не понимал, почему именно его назначили телохранителем – офицер, капитан корабля, какой из него охранник? Но пока Рэджи в плохом настроении, спрашивать бесполезно: обожжет холодным взглядом, а если и ответит, то что-то вроде «не ваше дело». Да, у него есть опыт командования взводом, но охрана – это совсем другое дело! Тут не стрелять из укрытия нужно, а наоборот лезть вперед, отвлекая внимание от объекта. Очень важного объекта, работодателя, между прочим, и чертовски неплохого. Хоть и немного странного.

Они молча шагали по узким стерильно-чистым коридорам. Судя по отсутствию указателей и экономному освещению, они сейчас в технической части станции Крокус. За каждой из длинного ряда безликих дверей мог быть офис, закусочная или магазин. Местным жителям таблички с надписями не нужны, а приедем здесь делать нечего – для них предназначены яркие витрины и богато украшенные широкие коридоры гостевой части станции с цветными подсказками на каждом шагу. Правда цены для гостей были значительно выше – кто-то же должен платить за яркое освещение и приятные глазу интерьеры.

За одной из одинаковых дверей пряталось кафе. В разгар

рабочего дня внутри было немногочисленно. Марк внимательно огляделся – ничего необычного – витрина, стойка с напитками, столики, дверь в служебные помещения с одной стороны и «запасной выход» с другой.

Для деловой встречи с приезжим человеком техническая часть – очень необычное место. Как-то это подозрительно, стоит быть внимательнее.

Человека, с которым назначена встреча, можно было легко вычислить по ровному загару на лице и руках, типичном для планетников, и дороговому костюму из натуральной ткани. Зедианцы могли позволить себе такую роскошь – своего рода метка статуса. Хотя у этого статус был не очень – костюм мятый и явно не новый. Теперь понятно, почему встреча в таком бюджетном месте.

Коммодор и зедианец обменялись приветствиями и уткнулись в комм¹. Марк рассматривал многочисленных посетителей. Все были в одинаковой коричневой форме службы мусорщиков. Судя по нашивкам, не самого низкого ранга – мелкие клерки. Наверняка, тут где-то недалеко их контора. Один из сидящих за соседним столиком явно нервничал – то ногой притопывал, то пальцами по столу барабанил. Марк на всякий случай снял парализатор с предохранителя, мало ли...

¹ Сокращение от коммуникатор – устройство-посредник между человеком и банком данных на удаленном сервере или во всеобщей сети. На нем не хранится информация, но с помощью него ее можно использовать и обрабатывать. Также используется для связи с другим таким же устройством.

Коммодор и зедианец встали, одновременно протянув руки для закрепления сделки рукопожатием. Тут же вскочил «беспокойный» посетитель, в его руке мелькнул ствол парализатора. Марк выстрелил и попал. Рэджи, выбив оружие из рук зедианца, замахнулась для удара. Марк прицелился. Выстрелить не успел, мир вокруг исчез, окутанный пеленой тьмы...

Сознание вернулось, а зрение запаздывало. По ощущениям, Карен лежала на холодном металлическом полу. По телу бегали противные мурашки, такие, какие обычно бывают после того, как действие парализатора почти прошло. Судя по их обилию, ей достался максимальный заряд. Тупо ныл левый бок, но не настолько, чтобы считать эту боль чем-то серьезным. Карен попробовала сесть, но голова закружилась, а перед глазами затанцевали цветные круги. Слегка подташнивало.

– Черт, где это я, – пробормотала она, снова ложась на пол.

– Не знаю, но на корабль не похоже. Скорее всего, мы где-то на станции.

Карен замерла. Голос был знакомый, с легким русским акцентом, и принадлежал капитану одного из фрегатов. Она помедлила, пытаясь оценить обстановку. Не одна, уже хорошо. Но почему рядом капитан, и где Кларк, которая должна ее всюду сопровождать? Голова была тяжелой, а в теле, наоборот, ощущалась восхитительная легкость. Мысли разбе-

гались в разные стороны, она с трудом вспомнила имя владельца голоса:

– Капитан Марк Костолиц, если не ошибаюсь? С чего вы взяли, что мы на станции?

– Вы не ошибаетесь, – подтвердил капитан, затем добавил: – Пол металлический и покрыт пластиком, как на станциях. А низкий гул слишком слабый для того чтобы быть работой двигателя корабля.

Карен на некоторое время замолчала, проверяя слова капитана. Действительно, едва слышный шум из-под пола не похож на привычные корабельные звуки, капитан прав. Вот только что они здесь делают, и почему так темно, неужели что-то со зрением? Страх сковал сердце, а в животе поселилась глыба льда. Она медленно дотронулась до лица, закрыла и открыла глаза – ни боли, ни дискомфорта. Облегченный вздох вырвался сам собой, но уточнить не помешает:

– Здесь темно, или... – она нервно сглотнула.

– Здесь темно.

Слава Космосу! Отсутствие воспоминаний о том, как и почему она здесь очутилась было вполне привычным и пугало гораздо меньше, чем возможная травма глаз. Она, снова попыталась сесть, на этот раз удачно. Цветные круги перед глазами вновь закружились в танце, но постепенно растворились во тьме. Нужно осторожно выяснить, что произошло и выбираться отсюда.

– Кажется, я ударилась головой. Последнее что я помню –

мы собирались на сделку с зедианцем. Что случилось?

– Если коротко, то встреча, перестрелка, темнота, – ответил капитан.

Очень интересно! Но причем здесь Марк Костолиц? Он капитан и владелец корабля, хороший исполнитель, но дипломатическим талантом не блещет и вообще все больше помалкивает. С чего вдруг ему быть в ее компании, и где Кларк?

– Не помню, чтобы ее куда-то отсылала...

– С вами все в порядке? Вам точно не нужна помощь? – Голос капитана был тревожный и звучал гораздо ближе, чем раньше. – Простите, коммодор, но вы говорили вслух...

Карен поморщилась. Голова кружилась, подташнивало, а мысли путались, вполне возможно она действительно озвучила свою внутреннюю речь. Это плохо. Нужно меньше думать и больше слушать. Она пошарила вокруг себя нащупала стену и осторожно перебралась к ней поближе. С подпоркой за спиной стало полегче, и она попросила:

– Расскажите, как все было с самого начала.

– Встреча состоялась, но в конце на нас напали. Дальше я очнулся уже здесь, вместе с вами.

– Допустим, мы все еще на станции, – согласилась она, – но я до сих пор не понимаю, зачем вы здесь.

По легкому шороху Карен предположила, что капитан пожал плечами:

– Вы приказали сопровождать вас в качестве телохрани-

теля. Я удивился, но обсуждать приказы, тем более оспаривать их, не привык. Вот только не очень-то я справился с этой задачей, – в голосе капитана слышались виноватые нотки.

Очень странное и не похожее на нее решение. С другой стороны, она уже сжилась с идеей, что каждый раз после провалов в памяти обнаруживаются какие-то мелочи, нехарактерные для нее. Побоявшись, что рассуждая, снова начнет говорить вслух, она сменила тему:

– Ладно, оставим это. Как вы думаете, давно мы здесь?

– Не могу сказать точно, я пришел в себя незадолго до вас. Что будем делать, коммодор?

– Ждать. – Карен пожала плечами. – Рано или поздно что-то изменится: нас вытащат или похитители дадут о себе знать.

Не может же она быть настолько душой, чтобы пойти на сделку с зедианцем без подстраховки и с капитаном вместо нормального телохранителя. Наверняка Кларк уже ищет их.

– Раз всё равно ждать, можно спросить? – осторожно поинтересовался Костолиц. Карен удивилась, но рассудила, что лучше отвечать на вопросы, чем молчать и не заметить, как сболтнуть лишнее. К тому же это легче, чем выдумывать вопросы самой – тяжелый туман в голове мешал сосредоточиться, клонило в сон. Ну а если вопрос не понравится, всегда можно отказаться отвечать без объяснений.

– Ну, рискните, капитан, – согласилась она.

– Давно у вас проблемы с памятью?

Какой пронизательный! Первый же вопрос оказался до жути неудобным. Но раз он возник, значит, были основания, поэтому не ответить нельзя. А выдумывать правдоподобный ответ сил не было. Капитан ее молчание расценил как-то по-своему и начал оправдываться:

– Возможно, мне показалось, но вы сказали, что-то вроде «неудивительно». И реагируете так, будто то, что ничего не помните, вас не удивляет, потому и решился спросить. Конечно, можете не отвечать.

– Ну почему же, – возразила она, – отвечу, но давайте тогда откровенность за откровенность. У меня тоже есть к вам несколько вопросов. Надеюсь, не надо напоминать, что все сказанное должно... – Она повела рукой, не сразу сообразив, что собеседник не видит ее жеста, – остаться здесь.

– Разумеется!

Она помедлила, собирая разбредаящиеся мысли в подобие чего-то связного:

– Проблемы с памятью у меня столько, сколько я себя помню. – Она не стала уточнять, что помнит себя лишь с двенадцати лет, ни к чему капитану эта информация. – Я ответила?

– Да. А причины?

– Если бы я знала! Теперь моя очередь. – Она ненадолго задумалась о том, какой задать вопрос, чтобы ответ на него был длиннее. Потом вспомнила информацию из лич-

ного файла капитана и горячо поблагодарила свою хорошую, но отчего-то иногда предательски ненадежную память. — Как вы стали наемником?

— Так же, как и любой другой человек: когда возраст позволил, нашел подходящий корабль и заключил контракт. Теперь я спрашиваю...

— Нет, — возмущенно возразила Карен, — рассказывайте с самого начала.

— Сначала я родился, — раздался смешок в темноте.

— Костолиц, вы первый начали эту игру, так что не увиливаете!

— Да, коммодор, — глубоко вздохнул капитан. — Я родился на станции Лотос, отца я не знаю, но мама говорила, что он был приезжий и работал по контракту на нашей станции. Контракт закончился, и он уехал. Когда мне было семнадцать, мама погибла, и я остался почти один. Нужно было на что-то жить, а на станции я работу не нашел. В доках стоял один из кораблей Джаспера. Он тогда еще не был пиратом. Я просто попробовал наудачу, и меня взяли.

Приятный мягкий голос капитана убаюкивал, а головокружение и слабость усилились, Карен слегка задремала. Костолиц, видимо не дождавшись реакции на свои слова, не выдержал и снова заговорил, выдернув ее из забытья:

— Моя очередь спрашивать.

Карен кивнула, потом, сообразив, что ее жеста не видно добавила:

– Да.

– Почему наш флот называется «Красные волки»?

Карен фыркнула:

– А что, вам не нравится? Агрессивно, устрашающе и вредается в память.

– Нравится, но почему волки и почему красные?

– Волки – это такие животные, которые жили на Тароне. Давно. Очень сильные существа, жили стаей и заботились о ней, как и я о своем флоте. А красный – как символ силы, агрессии, ну и пафоса заодно. А если честно, когда я регистрировала свой флот, мне не хотелось называть его своей фамилией, как тогда делали все, а «Красные волки» было первым, что пришло в голову. Я думала, что потом сменю название на другое, но оно привязалось, и я оставила как есть.

Костолиц рассмеялся.

– Оказывается, это вы родоначальница нового поветрия в названиях! Теперь я понял, откуда взялись александрийские «Синие пауки», зедианские «Черные вороны» и еще куча разноцветных существ более мелкого пошиба, рассекающих систему в поисках контрактов.

– Вполне возможно, – пробормотала Карен. Казалось, что воздуха не хватает, она растегнула все пуговицы и пряжку на поясе. Стало немного легче.

– А как вы стали коммодором флота?

– Долго рассказывать. – Она легла на пол, в надежде, что

ей перестанет казаться, что она куда-то проваливается.

– Мы, вроде, никуда не торопимся.

Такому аргументу было сложно возразить. К тому же ее карьерный взлет вовсе не был тайной, некоторые и так все знали.

– Когда я закончила военную Академию Тарона, отец подарил мне фрегат. С него я начала собирать свой флот.

– Богатенький у вас папа, – присвистнул Костолиц. – Тогда понятно, как вы со своими проблемами с головой прошли медкомиссию перед поступлением.

– Отец был против моей учебы в Академии. Но к его большому сожалению комиссию я прошла легко – психоменталисты не нашли, к чему придраться, а физически я абсолютно здорова. Так что не надо тут намеков...

С каждой минутой она чувствовала себя всё хуже и хуже: бороться с усилившейся слабостью она уже устала, подташнивало и, временами, бил озноб. Она свернулась в клубок на полу, обняв колени, чтобы согреться. Она долго ничего не говорила и капитан забеспокоился.

– Что случилось? Не молчите! – она услышала его совсем рядом и почувствовала осторожные прикосновения его рук. – Вы вся дрожите! – Он запнулся и замолчал. Потом негромко чертыхнулся. – Почему вы сразу не сказали, что ранены? Тут, кажется, уже литр крови вытек! Надо вас перевязать.

– Оставь, это ерунда, – прошептала она и попыталась от-

толкнуть его. – Не болит совсем...

Не обращая внимания на вялые попытки отбиться от помощи, капитан продолжил ее обследовать прикосновениями. Когда он добрался до левого бока, от какого-то неловкого движения, тупая почти не ощущаемая боль вдруг вспыхнула огнем. Карен не смогла сдержать стон и ругнулась. Костолиц пробормотал извинения. Судя по характерному шуршанию, он откуда-то добыл перевязочный пакет.

– Сколько мы уже тут? – прошептала она, с трудом удерживая себя в сознании.

– В темноте сложно чувствовать время, но думаю, не больше пары часов, – ответил он, накладывая повязку на ощупь. Руки у него были сухие, теплые и осторожные.

– Пить хочется... Холодно...

– Вы крови много потеряли, потому холодно и пить хочется. Я вас обниму. – Капитан прижал ее к себе. – Только не подумайте чего! Просто, так будет теплее...

Карен ничего не ответила.

Время текло медленно и лениво. Марк подумал, что неплохо бы обыскать помещение, вдруг найдется что-то, что поможет выбраться отсюда, но остался на месте – тело, казалось, налилось свинцом, и даже малейшее движение требовало невероятных волевых усилий. Коммодор хоть и была довольно миниатюрной, весила все же немало, рука и нога Марка затекли, но смена позы показалась слишком трудоем-

ким процессом.

Мысли были вязкие и тягучие, как александрийские ириски, и крутились вокруг commodora. Он первый раз столкнулся с ней так близко. Да, он вместе с другими капитанами присутствовал на брифингах при обсуждении новых заданий, разговаривал с ней, но всегда воспринимал отстраненно, как безликий источник приказов. А сейчас он чувствовал ее как живого человека, который тоже может умереть.

Монкриф называет ее безрассудным ребенком. Но Марк видел однажды, как она разговаривала с бароном Ларго. Тот был в ярости, а Рэджи спокойна и холодна — она как-то сумела интерпретировать условия их сделки так, что барон остался должен крупную сумму. В плохом настроении она становилась расчетливой и жесткой. Такой ее боялись. Непонятно, как уживались в ней две эти крайности. Но как-то уживались и, скорее всего, именно ими объяснялось ее невероятное везение — умением быть разной, в зависимости от ситуации. И она хоть и звалась commodором, командиром в привычном смысле не была. За нее командовали офицеры, каждый из которых по-разному к ней относился, но ни один по своей воле не спешил покинуть Волков.

Марку показалось, что commodор не дышит, с почти героическим усилием он нащупал ее руку и проверил пульс — слабое ровное биение немного успокоило его. Но тревога никуда не делась. Зачем их здесь заперли и сколько еще ждать? Перевязочный пакет в его кармане неожиданно при-

шлось использовать по назначению, хотя лежал он там вовсе не за этим. Внешний периметр станции огромен, и каждый житель по мере сил обязан «охотиться за инеем», которым покрывались места с нарушенной герметичностью. О каждом таком месте необходимо было сообщать в диспетчерскую службы ремонта и помечать место, а для этой цели ничего лучше перевязочного пакета не придумали – пластырь лип к любой поверхности, а длинный хвост бинта не оставлял шансов ремонтной бригаде пройти мимо. Лучше всего с охотой справлялись дети, находя иней в труднодоступных местах. За десять сообщений давали красивый значок добровольного помощника ремонтной службы. Значок ему самому заработать так и не удалось, но с тех пор привычный хруст перевязочного пакета в ответ на хлопок по карману служил как бы критерием готовности к выходу из дома.

Марк зажмурился, ослепленный ярким светом из открывшейся двери. Внутри вошла лейтенант Кларк, врач, два бойца и лейтенант службы безопасности станции. Безопасник тут же принялся осматривать чулан, в котором они сидели, заодно снимая и вполголоса комментируя. Бойцы аккуратно обходя здоровую лужу уже свернувшейся крови на полу погрузили на носилки commodora, которой тут же занялся врач.

Кларк помогла встать – тело не слушалось, затекшую ногу и руку он не чувствовал, а здоровая нога то и дело подгибалась, не в силах нести на себе всю тяжесть его тела. Самому

идти не получалось, Кларк подставила плечо и Марк почти повис на нем. Дожил, женщина его на руках тащит...

На флагмане commodore унесли в медотсек, а ему, после беглого осмотра врачом, сделали какой-то укол и отпустили, но вернуться на свой корабль не разрешили. После укола полегчало: к руке и ноге возвращалась чувствительность, свинец в теле начал растворяться, а мысли обретали четкость. Он немного поболтал с санитаром, но ничего о здоровье commodore не выяснил. Кларк отправила Марка ждать дальнейших указаний в кают-компанию «Метели». Хорошо – и комфортно и от медотсека недалеко. Там его и нашел безопасник. Марк рассказал ему все что знал и тот отстал.

Прошло уже несколько часов, скорее всего о нем просто забыли. Если commodore в тяжелом состоянии, то до целого и невредимого капитана никому сейчас дела нет. Марк уже вдоль и поперек изучил все царапины на столе и выстроил множество предположений об их происхождении. Неожиданно для себя он то и дело возвращался к тому моменту, когда Рэджи потеряла сознание. Он вспоминал тяжесть ее тела на своих руках, ненормальную прохладу кожи, едва уловимое дыхание. И никак не мог разобраться, что это – сочувствие раненому товарищу или нечто другое. Так и не придя к конкретным выводам, решил сходить в медицинский отсек.

Палату commodore он нашел без труда, вход в нее охраняла прекрасная Кларк – предмет мечтаний половины офице-

ров флагмана. Ей бы в платьях по подиуму ходить, а не с оружием. Всегда спокойная, поразительно молчаливая и чрезвычайно смертоносная. Она умела убивать голыми руками, но при этом всегда была вооружена до зубов. Ему однажды в космопорте довелось наблюдать ее проход через рамку. Сложно было представить, где она держала на себе такую гору оружия. И это, наверняка, было не все, что она взяла с собой.

– Как коммодор? – поинтересовался у нее Марк.

– Уже вне опасности, – холодно ответила Кларк.

– Рой, если это Костолиц,пусти его, – раздался голос Рэджи. Кларк молча сделала шаг в сторону, освобождая проход.

Марк вошел. Палата была стандартной – тесной и бело-снежно-стерильной. Кровать, стул и медицинский автомат без капсулы, в которой уже не было необходимости.

Коммодор сидела в больничной рубашке, свесив босые ноги с края высокой кровати. В вену правой руки была вставлена игла, соединенная прозрачной трубкой с медицинским автоматом. Бледное лицо Карен в обрамлении коротких волос ярко-красного цвета казалось почти белым. Синеватые круги делали и без того большие глаза просто огромными. Она кивнула Кларк у него за спиной. Дверь в палату с тихим шипением закрылась, оставив их одних.

Марк отдал честь, щелкнул каблуками:

– Коммодор Рэджи.

Она жестом указала на стул, он отказался, молча покачав головой. Рэджи недовольно поморщилась.

– Мне неудобно разговаривать с вами, задрав голову. Сядьте, пожалуйста, капитан, – потребовала она. Марк немного помедлил – логичное требование, при его-то росте сильно выше среднего – и расположился на стуле, оказавшись вровень с ее взглядом. Коммодор удовлетворенно кивнула, затем попросила:

– Расскажите, что было дальше.

– Ничего, – пожал он плечами, – я думаю, нас нашли примерно через час после того, как вы потеряли сознание.

– Понятно.

Рэджи помолчала, будто что-то прикидывая в уме.

– Марк, а как вы смотрите на то, чтобы стать капитаном моего флагмана «Метель»?

Это было неожиданное предложение, и довольно заманчивое. Но не для него – уж больно ответственная и беспокойная должность. Он не был уверен, что сможет соответствовать ей. К тому же это повысит уровень ожиданий информации от него дома, да и Адамс, нынешний капитан флагмана, не обрадуется. Поэтому он без сожаления отказался:

– Если это благодарность, то нет, спасибо, мне и на своем «Индиго» неплохо.

– Почему? – удивилась она, брови ее взлетели вверх, а глаза будто стали шире. Марк с изумлением отметил, что они теплого лилового цвета. Наверное, какой-нибудь ее предок

был хейдаганской полукровкой, только от них можно заполучить всякие необычности во внешности.

– Я не чувствую, что сделал что-то особенное, за что надо благодарить таким образом; простое «спасибо» меня вполне устроит, – улыбнулся он. Коммодор улыбнулась в ответ, и он вдруг обнаружил, что раньше не замечал, какая у нее живая мимика.

– Во-первых, врач сказал, что ваша перевязка спасла мне жизнь. Так что в любом случае простым «спасибо» вы не отделаетесь. А во-вторых, капитан «Метели» сейчас не может выполнять свои обязанности. Я сама, как видите, не в состоянии его заменить.

– А что, других вариантов нет? Например, капитан Монкриф, – предложил он, но тут же понял, что сказал глупость. Монкриф и Рэджи постоянно ругались. Капитан уже много лет грозился разорвать контракт с Волками, но почему-то вместо этого каждый раз продлевал его, как только он заканчивался.

– Монкриф еще не вернулся с последнего задания. Сейчас самая подходящая кандидатура, это вы. – Она устало откинулась на подушки, едва заметно поморщившись. – Странная ситуация, капитан, вы не находите? Я уговариваю вас принять повышение...

Марк встал.

– Простите, коммодор, я забылся! Если повышение – это приказ...

Рэджи закатила глаза, тяжело вздохнула и закрыла лицо руками. Посидев так с минуту, она убрала руки от лица и заговорила:

– Сядьте! – Марк послушно снова опустился на стул. – Я надеюсь, вам понравится мое предложение. Но раз вы отказываетесь, а у меня нет другого выбора, я вынуждена вам приказать. Вы назначаетесь капитаном «Метели». Временно, – добавила она, криво улыбнувшись. – Я найду другой способ вас отблагодарить.

В палату вошла Кларк:

– К вам доктор.

Рэджи согласно кивнула, посмотрела на Марка и улыbnулась:

– Приступайте прямо сейчас. Ключи от кают и коды у дежурного. Текущие задачи в коммуникаторе на мостике. Свободны.

Костолиц ушел, а Рой, проводив его взглядом, удивленно вскинула бровь, однако не стала ничего говорить, отошла в дальний угол и постаралась казаться невидимой.

Низенький пожилой человечек в круглых очках, доктор Лев Вундермахер, изучал показания диагностических приборов медицинского автомата. Он ко всем своим пациентам всегда обращался на «ты», независимо от звания и возраста. Ему прощали эту маленькую причуду, поскольку он был действительно волшебником в своем деле, кроме того, сложно было найти человека приятнее и внимательнее него.

– Когда я смогу вернуться в свою каюту? – недовольно поинтересовалась Карен. Она уже вполне сносно себя чувствовала, и ей надоело скучать в медотсеке.

– Ты нас сильно напугала, милочка. Так что дня три, как минимум, ты пробудешь здесь, – отрезал доктор, осматривая ее ладони, ногти, изучая слизистую глаз и делая пометки у себя в наручном комме.

– Но это же так долго, – простонала она, – нельзя как-то быстрее?

– Моя хорошая, – сложил он руки на груди и, сверкая линзами очков, продолжил: – я и так назвал самый оптимистичный срок! – Он строго посмотрел на девушку. – Это при условии, что ты будешь выполнять все рекомендации и не попытаешься сбежать из медотсека, как в прошлый раз! – Он погрозил ей пальцем; Карен стыдливо опустила глаза и промолчала. – То, как скоро ты вернешься к работе, целиком зависит от тебя, милая, – говорил он, аккуратно рассматривая рану на ее левом боку. – Я не знаю, кому ты умудрилась дать так глубоко себя порезать, милочка, но тебе повезло, ранение не проникающее и края срастутся быстро, если, конечно, ты не начнешь носиться, как ненормальная, и раздавать всем свои, несомненно, ценные указания. А ты не начнешь, пока я не разрешу, – строго проговорил он, глядя ей в глаза, – и твоя очаровательная секьюрити за этим проследит. Так? – повернулся доктор к Рой, все это время тихо стоявшей в углу. Та серьезно кивнула в ответ; доктор,

удовлетворившись этой краткой демонстрацией ее согласия с ним, повернулся к Карен и похлопал ее по руке. – Так что не раньше, чем через три дня, радость моя!

Карен глубоко и тяжело вздохнула, выражая покорность одновременно с недовольством на свое положение.

Доктор ушел, Рой покинула свой угол и вопросительно подняв бровь, посмотрела на Карен. Та развела руками:

– Кто-то же должен командовать «Метелью» пока Адамс хм... во внеочередном отпуске решает семейные проблемы.

– Двадцать минут назад Адамс никуда не собирался. И у него нет семьи, – бесстрастно заметила Кларк. Карен поморщилась:

– Знаю. – Она взяла с тумбы новенький наручный комм и набрала код: – Адамс, если успеешь за пять минут покинуть корабль, ты в трехдневном увольнении плюс небольшая премия. – Карен отключила комм и, глянув на застывшее лицо Рой, пояснила свои действия: – Костолиц явно не хотел этого повышения и мне интересно почему. Нужно узнать его поближе, все равно ни ты, ни доктор работать мне не дадите. – Карен недовольно скривилась. – Я хочу выяснить, как его отблагодарить за то, что он не дал мне истечь кровью.

– С последним трудно не согласиться. Но пути у вас... – Рой укоризненно покачала головой, – больно мудреные.

– Уж как умею, – проворчала Карен. – Все, хватит о нем! Лучше расскажи, что произошло. Я помню только, что со мной связался человек с Зеды, предлагал купить какую-то

информацию. И это все. – Она разочарованно развела руками.

– Вы с зедианцем договорились о сделке. Место, что он предложил для встречи, вам не понравилось. Вы подстраховались, оставив меня наблюдать за вами, и взяли капитана в качестве телохранителя для отвода глаз, потому что он похож на меня.

– О, а ведь и правда немного напоминает. – Карен сузила глаза, пристально разглядывая Рой и анализируя сходство с Костолицем. – Почти тот же рост и телосложение, похожий цвет и длина волос, даже глаза...

– На этом наше сходство заканчивается, – чуть резче, чем обычно, высказалась Рой.

– Ну да, если бы не твоя грудь, вы почти близнецы! – съязвила Карен. – Ладно, не обижайся, волосы, глаза и рост, это единственное, что вас объединяет, – примирительно проговорила она. Рой в ответ только согласно тряхнула головой. Карен продолжила: – Что дальше?

– Дальше вас взяли в плен и заперли в одном из технических помещений на станции. Зедианец решил кроме денег за проданную информацию получить еще и выкуп за любимую дочь премьер-министра Рэджи. Вот только он не учел, что я слежу за вашими передвижениями не только через комм, который он уничтожил. Найти и освободить вас, было делом времени.

– Но если он хотел выкупа, зачем меня ранили и заперли

в темноте?

Рой нахмурилась.

– Ранение, возможно, было случайностью. А в темноте, потому что проводка в комнате, где вас держали, была не исправна. Еще, вам ввели какой-то коктейль из наркотиков и анальгетика, чтобы вы не буянили и не мучились от болей, после того как действие парализатора пройдет.

– Так вот из-за чего я не поняла, что ранена, а вместо того, чтобы пытаться выбраться оттуда вела светские беседы с Костолицем! Но почему мы были взаперти так долго? – возмутилась Карен.

– Неполные два часа – это долго? – удивилась телохранительница, подняв брови.

– Надо хотя бы глянуть, что за информацию я купила. – Пальцы Карен пробежались по кнопкам комм. Некоторое время она молчала, удивленно изучая данные на мониторе, потом пробормотала: – и зачем мне список работников лабораторий барона Рю и того, над чем каждый из них работает? – Она проверила счет и чуть не поперхнулась – Да еще за такие деньги!

Кларк безразлично ответила:

– Не мне это было нужно, не у меня это и спрашивают...

Глава 2

По дороге к своей новой каюте Марк встретил Эда Адамса, капитана «Метели». Тот так спешил, что поздоровался жестом лишь отдаленно напоминающим воинское приветствие. Интересно, что у него случилось? Он, вроде, ничего не говорил и ни на что не жаловался в последнее время. Зато теперь понятно, почему Рэджи так настаивала с этим назначением.

Каюта здесь, на флагмане, была больше, чем на его собственном корабле. Он махнул ключом перед считывающей панелью, и серия щелчков обозначила разблокировку мебели. Марк заглянул в стенной шкаф, включил комм, опустил кровать и откинул стол. Нашлось два глубоких мягких кресла и вход в отдельный санузел. Он не стал откидывать полки, шкафа вполне достаточно, раз уж он здесь ненадолго. И нет смысла забирать с «Индиго» личные вещи, можно обойтись стандартным набором, выданным дежурным кастаньяном – комплект постельного белья, пара полотенец и набор туалетных принадлежностей.

Ходить полдня измазанным в крови было очень неприятно – прожив большую часть жизни в практически стерильных условиях станции, к любой грязи он питал отвращение. Первым делом он избавился от выпачканной одежды и с наслаждением принял душ. Переодеваясь, активировал комм.

Приказ о его назначении уже был всем разослан. Список задач почти не отличался от такового на «Индиго».

Марк расположился в кресле. В голове потихоньку оформлялся отчет о произошедшем, но мысли все время возвращались к коммодору. Что-то было не так. Он снова и снова прокручивал разговор в уме: что-то его смущало, но вот что именно, уловить не мог. Логически вроде все правильно. У Адамса что-то случилось, Монкриф, который его обычно заменял, еще не вернулся. Сама Рэджи не может, остается только он. Но флот стоит в доках станции, идет ремонт и грузятся транспортники. Делать почти нечего. Больше половины людей в увольнениях. Все заботы капитана сейчас – это утренние и вечерние построения, обход дежурных постов, инспекция ремонтных работ и погрузки. С этим вполне мог справиться и старший помощник Адамса, и вообще любой из младших офицеров флота. Возможно, у коммодора какие-то планы, о которых она не говорит. Бывает, что она лишь раздает указания, кому и что делать, не объясняя причин. Как, собственно и случилось в этот раз, когда он сопровождал ее на встречу с зедианцем.

Решив оставить и отчет и причины на потом, Марк отправился на вечернее построение.

Обычно все происходило в ангаре, самом просторном помещении крейсера, но сейчас, когда корабль в доках, оставшиеся спокойно помещались в спорт-зале. Объективной нужды собирать людей не было – дежурные посты на вхо-

дах-выходах и внутри корабля фиксировали каждого проходящего через них. При необходимости всегда можно было вычислить, кто где был, а приказы раздать через комм, как и получать отчеты об их выполнении. Но для того, чтобы держать людей в тонусе, контролировать дисциплину и поддерживать личный контакт между рядовыми и офицерами по рекомендации психоменталистов дважды в день всех собирали на построение. Марк был согласен с этой рекомендацией. В живую всегда легче увидеть наличие или отсутствие у рядовых каких-то проблем. Увидеть реакцию на тот или иной приказ или назначение. К тому же после построения каждый мог подойти к вышестоящему офицеру со своими вопросами и проблемами, коих всегда была масса – продлить или разорвать контракт, выпросить увольнение или перевод, поменяться дежурствами, разрешить конфликт, уточнить задание...

Марк, представился и огласил приказ о своем назначении, и как капитан лишь наблюдал за тем, как все происходит. Капралы провели перекличку и отчитались о выполнении возложенных задач своим командирам, те в свою очередь офицерам выше. И так по цепочке, пока очередь в вертикали не дошла до него самого. В докладах с дежурных постов о состоянии систем корабля все было в порядке и рутинно, до зевоты. Большая часть людей была в увольнении на станции, а среди оставшихся не было тех, кто мог бы затеять какую-то бучу. На завтра планировался прием ремонтных ра-

бот и тестирование небольшой модернизации орудий «Метели» на полигоне недалеко от станции.

Просмотрев и одобрив распределение задач на завтра, он отслютовал старшему помощнику и распустил людей по местам. Коротким отчетом коммодору о построении его задачи на сегодня были исчерпаны.

Карен казалось, что за остаток дня и часть ночи она выспалась на год вперед, и в ближайшую неделю уже точно не уснет. И хотя ранена она была сегодня, точнее уже вчера, чувствовала себя вполне сносно. Делать было решительно нечего. Все формальности с ремонтом и погрузкой были улажены еще до памятной встречи с зедианцем. В отчаянии она даже взялась за ненавистное занятие – приводить в порядок папки с документами, до которых раньше не доходили руки. Но за последние три часа это наскучило так, что хотелось взвыть.

В голову пришла гениальная идея – прогуляться по кораблю. Бок почти не болит, сознание вполне ясное, да и лежать надоело до смерти. К тому же сейчас самое время – все в увольнениях, дежурные посты контролируют только входы и выходы из корабля, и в третьем часу «ночи» в коридорах тихо и безлюдно. Но была проблема – больничная сорочка, едва прикрывающая бедра, и босые ноги. Форма и обувь в каюте, до которой еще надо добраться. Можно попросить Рой, она принесет, но встать, а тем более ходить не разрешит,

из лучших побуждений.

И как же быть? Босиком по металлическому полу ходить холодно, да и встреча с кем-нибудь в коридорах все же не исключена. Незачем добавлять к своему образу еще и ночные прогулки в неглиже. Достаточно провалов в памяти, которые от внимательных офицеров, таких, как Костолиц, не утаить. Если кто-то задастся целью и решит собрать все факты в кучу, рано или поздно придет к выводу, что у нее проблемы с головой. Хоть Рой и утверждает, что никто ничего не подозревает, лучше лишний раз перестраховаться.

Карен выглянула в коридор – медотсек был пуст, царящую тишину нарушал лишь чуть слышный гул холостых оборотов двигателей корабля. Из соображений экономии топлива их даже в доках не глушили. Она решила рискнуть.

Проходя мимо спящего на посту дежурного санитара на выходе из медотсека, едва сдержалась, чтобы не разбудить и не устроить ему разнос – тоже дело, но уж больно короткое. И о прогулке тогда точно придется забыть. Сверившись с графиком, Карен выяснила его имя и сделала пометку у себя в блокноте. Санитар свое получит. Лично от нее. Но не сегодня.

В коридорах было сумрачно – освещение работало в режиме «ночь». Добравшись до своей каюты, она с неудовольствием признала, что зря поспешила встать с постели – ноги подкашивались, перед глазами плавали темные пятна, а сердце заходило так, будто она не шла по стеночке, а про-

бежала кросс с полной выкладкой. Остатки сил ушли на переодевание. Мелькнула соблазнительная мысль позвать Рой и вернуться в медотсек с ее помощью. Но перспектива выслушать длинную и нудную нотацию совершенно не вдохновляла. К тому же сердце уже успокоилось, дыхание выровнялось, а пятна перед глазами растворились. Если передохнуть еще минутку, то запросто можно будет вернуться назад своими силами. Только путь выбрать короче и чаще останавливаться.

До медотсека она так и не дошла, остановилась на мостике у панорамного иллюминатора. Не только потому, что там был красивый вид – одышка, сердцебиение и слабость вернулись, прихватив подружку – тупую боль в раненом боку. Карен облокотилась на перила и внизу, на мостике, увидела Костолица. Тот терзал тактический компьютер: решал одну и ту же задачу и каждый раз неверно. Она не стала обнаруживать своего присутствия и наблюдала сверху, что из этого выйдет. К сожалению, капитан быстро нашёл решение и повернулся к ней. Глядя снизу, спросил:

– Не спите?

Очень осторожно, держась за поручни, чтобы не свалиться, она спустилась к нему по лестнице.

– Вы очень внимательны. Мне казалось, я тихо хожу.

– Вы громко дышите, – заметил капитан.

– У вас я тоже, гляжу, проблемы со сном, – кивнула она на монитор с условиями задачи. Костолиц явно смутился,

но ничего не ответил. – Можно мне?

Капитан уступил ей место за компьютером. Задание было из категории сложных. После долгих раздумий, лишь со второй попытки нашлась нужная комбинация команд, приводящая к стройному результату. Заглянув в ответы капитана, она нашла два каких-то странных решения, совсем не похожих на ее. И каждому ответу предшествовало несколько неверных. Карен вопросительно глянула на капитана. Тот пояснил:

– Я экспериментирую с разными вариантами, мне интересны неклассические решения. Пытаюсь анализировать решающие факторы, исключать их, и тогда правильное решение находится само собой. Возможно, не очень красивое, но все условия соблюдены, а цели достигнуты.

Карен задумчиво наклонила голову на бок и пару раз куснула губу:

– Звучит логично. Но такой анализ полезен только в теории. На практике нет возможности перебирать варианты – или ты решаешь задачу с первого раза и выживаешь или не решаешь и гибнешь.

– Я понимаю, – Костолиц улынулся, – и хочу быть уверен, что когда придет время, решу свою задачу с первого раза.

Карен вдруг поняла, что ее реплика была не особенно тактичной – Костолиц академий не заканчивал, а реального боевого опыта у него побольше, чем у нее. Она попыталась сгладить неловкость:

– Мне такой разбор тоже был бы полезен, и если вы согласитесь составить мне компанию, буду рада. Приходите завтра меня навестить. Это не приказ, – поспешила она добавить тепло улыбнувшись. Если он примет приглашение, не придется сходить с ума от безделья. – Как вы устроились здесь? – спросила она, с сожалением вставая и освобождая место за тактическим компьютером. Сидеть было гораздо приятнее, чем куда-то идти.

– Неплохо.

Решая задачу, она немного отдохнула, но ноги все равно держали с трудом, а бок болезненно пульсировал. Она бы с удовольствием легла прямо там, где стоит. Костолиц любезно предложил:

– Вас проводить?

Предложение было очень заманчивым, но принимать его все же не стоило. Если их кто-то увидит, при нынешнем безделье из этого провожания могут раздуть феерическую сплетню. Такое уже было не раз. Однажды пошел слух, что Кларк влюблена в коммодора. А все от того, что она чересчур заботлива, к тому же многие к ней подкатывали с предложением свидания и никому ничего не обломилось. Шептаться прекратили, только когда Рой вычислила главного сплетника и вывихнула ему челюсть. Вундермахер отказался ее сразу вправить, и солдат сутки ходил с открытым ртом. Над ним потом еще целый месяц подшучивали.

– Нет, спасибо. – Карен отправила сообщение Рой и поко-

выляла наверх. Но, не дойдя и до середины лестницы, села на ступеньку передохнуть. Все-таки зря она встала. Сколько она там крови потеряла? Вундермахер говорил что-то о пятидесяти пяти процентах. Лежа, она чувствовала себя очень даже неплохо, а вот немного походилв...

Подошла Рой и помогла подняться. По ее красивому лицу не всегда можно понять, что она чувствует. Но сейчас в ее облике читалось явное недовольство. Молчаливое – уже хорошо. Хотя, наверняка, все впереди – длинная тирада о безрассудстве, нарушении режима, угрозы пожаловаться Вундермахеру и... родителям. Порой усердие Рой в выполнении своей работы жутко раздражало, и было не к месту – не объяснишь же всем и каждому, что она не телохранитель. Она – оруженосец, положенный ей по статусу, как аристократке, помощник и друг. Рой отлично справляется, за исключением случаев, когда жизни ее подопечной что-то угрожает. Тут она становится вовсе не выносимой.

– Вы с ума сошли, – прошипела свою коронную фразу Рой, аккуратно прислонив Карен к стене, когда они отошли на расстояние достаточное чтобы никто не услышал.

– Я тоже рада тебя видеть. Ты даже не представляешь, как! – простонала Карен, сползая на пол.

Марк, хоть и лег спать поздно, чувствовал себя вполне отдохнувшим. Утреннее построение прошло буднично и спокойно – за ночь ничего мало-мальски интересного не про-

изошло.

Полигон для тестирования был в полчасе полета от станции. Вместе с Метелью туда прибыли и Индиго с Каримом – их орудия тоже были модернизированы, и им также требовалась пройти тесты.

Заряды в орудиях были специальные – по весу и форме как боевые, но содержащие не смертельную начинку, а электронику, которая рассчитывала траекторию, скорость, дальность поражающую мощь и общую эффективность выстрела из конкретного орудия. Тесты заключались в стрельбе этими снарядами при различных маневрах – залпами, одиночными выстрелами, сериями.

Пилот доложил Марку о скорости и целевых координатах корабля, инженер о готовности орудийных систем, стрелки о наличии условного противника в зоне поражения.

Марк скомандовал:

– Скорость двести, курс прежний. Левое носовое орудие – захват цели!

– Цель захвачена! – тут же раздалось в ответ.

– Огонь!

Корабль чуть заметно дрогнул – отдача от выстрела. На экране тут же отобразилось попадание и параметры выстрела. Инженер доложил результаты:

– Эффективность выстрела девяносто восемь процентов. Цель уничтожена!..

Расстреляв все свои тестовые снаряды, Метель немного

понаблюдав за тестами Индиго и Карима и вернулся в доки станции. Марк просмотрел отчет инженера – все было в порядке – завизировал его своей подписью и отправил Рэджи.

Помня о том, что ночью ощущение хорошего самочувствия оказалось очень обманчивым, Карен не пыталась днем куда-то сорваться. Терпеливо сносила капельницы и без обычных возражений съела противную, но очень питательную гадость, поданную на завтрак и обед. Рой молчала, но у нее, кажется, на лбу было написано, что она не верит в беспричинную покладистость commodora.

Но причины на самом деле были. Во-первых, испытания модернизированного оружия прошли успешно, и Карен с удовлетворением признала, что не зря отвалила кучу денег за увеличение дальности стрельбы и уменьшение времени между залпами. Во-вторых, Костолиц нашел время заглянуть, они решили несколько тактических задач, в процессе пару раз поспорили, но пришли к разумному компромиссу. Спорить с капитаном оказалось неинтересно – он легко признавал свою неправоту. К тому же, хорошая новость – служба безопасности станции задержала одного из похитителей, Костолиц опознал его. Теперь преступника ждет медикаментозный допрос, а потом им займутся спецслужбы Тарона. И в-последних, она кое-что придумала на конец дня, когда постельный режим станет совсем невыносимым.

– Вас хочет видеть Дени Монкриф. – Доложил дежурный

санитар. Карен согласно кивнула, она знала, зачем пришел капитан.

Он вошел сам не свой и нерешительно присел на стул для посетителей. Карен каждый раз шокировало такое, несвойственное обычно грубоватому и прямолинейному капитану, поведение, но сделать с этим ничего не могла – слишком важно для него было то, зачем он к ней явился.

– Просто хотел напомнить...

– Я уже сделала следующий перевод, не беспокойтесь.

– Спасибо! – Монкриф вскочил. Легонько ткнул ее кулаком в плечо: – поправляйся, девочка, – и вышел из бокса.

Карен грустно улыбнулась ему в след. Уж кто-кто, а Монкриф от нее никуда не уйдет, пока она помогает ему оплачивать содержание его дочери в доме ухода на Эр-Кахире. Тяжелое ранение в голову свело на нет все ее шансы на восстановление речи, интеллекта и успешную реабилитацию. Единственное, что ей осталось это память. Дени сказал, что пока она будет его узнавать, она будет жить. Зато Монкриф прекратил оспаривать ее приказы, а свои сомнения и недовольство начал высказывать исключительно с глазу на глаз. Хотя ругаться не перестал. Но учитывая опыт и профессиональную интуицию капитана, ему можно было простить такую мелочь, как нецензурный способ выражения своих мыслей.

Карен честно попыталась заснуть. Прокрутившись в кровати полчаса, она бросила это бесполезное занятие. Рой за-

брала ее наручный комм и теперь даже с документами не поработать. Она глянула на монитор медицинского автомата – до корабельного отбоя еще целый час – самое время для ее задумки. Но без комм она не осуществима. Придется идти до каюты. Санитар, другой, не тот, что вчера, решительно попробовал ее остановить:

– Капитан Вундермахер приказал не выпускать вас.

– А я, как коммодор, приказываю пропустить и доктору об этом не докладывать!

– Простите, коммодор, но в медотсеке я слушаюсь только капитана! – отрезал санитар.

Возразить было нечего, здесь действительно командовал доктор, и он очень болезненно относился к попыткам это оспорить. Вдохнув, она вернулась в бокс. Очень не хотелось беспокоить врача, но по-другому выйти из медотсека не получится.

Поднятый с постели Вундермахер был крайне недоволен и отчаянно зевал. Тем не менее, осмотрел и выслушал все ее аргументы. Они немного поспорили. В итоге доктор, махнув рукой, ее выпустил. На полчаса. Сняв с себя всю ответственность за последствия прогулки. Поглубже затолкав чувство вины за свою глупую настойчивость, Карен отправилась к себе в каюту.

От быстрой ходьбы ныл бок, дыхания не хватало, а сердце трепыхалось, как пойманная птишка, но уже не так, как вчера – сегодняшняя покладистость принесла свои плоды. Ка-

рен чертыхнулась и сбавила темп. Прошла мимо каюты Костолица, но тут же вернулась – дверь была полуоткрыта. Карен, не таясь, подошла. Капитан с голым торсом отжимался на кулаках и был сосредоточен на своём занятии так, что ничего вокруг не замечал. Его четкие уверенные движения будто заворожили ее. Она все глядела, как мышцы перекачиваются под светлой, лишенной загара кожей, на которой блестели капельки пота, и не могла оторваться. Усилием воли стряхнув с себя наваждение, она беззвучно ушла.

До своей каюты она добралась гораздо быстрее и не такой уставшей, как вчера.

Личный файл Костолица был до обидного коротким – родился, учился, работал, рос в званиях. Пара благодарностей, ни замечаний, ни наказаний. Документ, подтверждающий владение фрегатом по наследству. Да, он вроде говорил, что остался почти один. Видимо этот «почти» и оставил ему фрегат. Больше ничего. Совершенно не за что зацепиться, чтобы придумать, как отблагодарить его. Что еще она о нем знает? Спокойный и незаметный. На брифингах чаще молчит, если вопрос не задан прямо ему. На него никто не жалуется, он ни с кем не ругается. Честный. И взгляд, такой... прямой. Как будто даже слишком. Приятная улыбка и голос. И рост. Ну почему ей так нравятся высокие мужчины?

Раньше она как-то не обращала внимания на капитана как на мужчину. Зря. Идея оказаться еще раз запертой в его компании была очень даже привлекательной... Карен тряхнула

головой, отгоняя эту дурацкую мысль. Ну нельзя заводить отношения с подчиненным! Пары раз хватило выше крыши. Вляпаться третий раз будет просто верхом идиотизма. К тому же никто и не предлагает.

Она глянула на часы. Из отведенных доктором получаса у нее осталось десять минут – вполне достаточно для задуманного. Она ввела в корабельный комм команду, означающую «противник в зоне видимости», однако запустить ее не успела.

– Вы с ума сошли! – шепотом прошипела Рой, оттаскивая commodora от клавиатуры. Карен всегда восхищалась и ненавидела ее манеру бесшумно возникать за спиной в самый неподходящий момент. Или подходящий.

– Учебная тревога ещё никому не повредила, – также шепотом возразила она, безуспешно пытаясь высвободиться из захвата, добраться до нужной кнопки и нажать её.

– Я не про тревогу, я про вас! Немедленно вернитесь в медотсек, или я сама вас туда отнесу!

Бесполезная борьба со здоровой и полной сил Кларк вымотала Карен, и она, перестав сопротивляться, обмякла. Убедившись, что это не уловка, Рой, наконец, отпустила её и помогла сесть в кресло.

– Вундермахер дал всего полчаса. Мне нужно работать! – сердито проговорила она, поглаживая раненый бок. Рой укоризненно покачала головой.

– Осталось три минуты, вы уже не успеете. К тому же та-

кая работа только продлит ваше пребывание в медотсеке. Но если вы добиваетесь именно этого, я вам мешать не буду. — Карен состроила недовольную гримасу, но ничего не ответила, Рой продолжила: — А я-то думала, с чего это вы сегодня такая покладистая...

Третий день капитанства Марка не сильно отличался от предыдущих двух. Марк зашел в медотсек, проверить commodora, но Кларк его не пустила к ней без объяснений. Марк решил уточнить состояние Рэджи у Вундермахера. Доктор составлял какую-то программу для медицинского автомата, не отвлекаясь от своего занятия он махнул гостю рукой, мол, «сейчас».

Марк огляделся — кабинет доктора был раза в полтора больше, чем кабинет начмеда на Индиго и напоминал больше жилую каюту, чем рабочее помещение. Хотя все нужные по нормам предметы обстановки присутствовали — шкаф с кодовым замком, куда спрятаны сильнодействующие препараты, стул, стол, комм, вход в санузел. Еще здесь была большая ширма с широкой кушеткой и множество непредусмотренных правилами мелочей. Видимо, доктор действительно жил на работе.

Сильнее всего внимание привлекал небольшой мобильный стол из пласт-стекла, расчерченный надвое. В середине каждой половинки был рисунок в виде двух переплетенных в замысловатый узел монстров. Под рисунками распола-

галось по двенадцать полукруглых лунок с каждой стороны. Марк с удивлением узнал поле для нарда. Под лунками в нишах рядом стояли круглые шашки – с одной стороны иссиня белые, с другой глубоко ультрамариновые. Марк коснулся их – они были холодные и гладкие, с ямочкой под палец, не похоже на пластик...

– Не стоит тянуть руки к тому, в чем не разбираешься, капитан. – Едко произнес доктор, закончив свое занятие и переклотившись на визитера.

– Короткие или длинные? – спросил Марк, растягиваясь в улыбке и подкидывая кубики костей в руках.

– О! – лицо доктора вытянулось от удивления. Он торопливо снял очки, протер и снова нацепил на нос. – Длинные! Не желаешь партийку? А то мне уже надоело играть с самим собой.

– Мои – белые, – согласился Марк. Первый раз выиграл он, следующие две партии прошли в ничью. Доктор, потирая руки от удовольствия, предложил еще одну, но Марк отказался: – Извините доктор, но я зашел узнать состояние командора.

Вундермахер, погрузнев, тяжело вздохнул:

– Я понял. Прости, что задержал тебя. – Марк помог ему собрать каменные, как оказалось, шашки в ниши. – Все нормально с ней. Рэджи на редкость живучая, к тому же рана пустяковая. Только не говори ей, иначе она сорвется с места и начнет делать глупости, и эта пустяковая рана превратится

во что-то катастрофическое. Я сегодня выпишу ее из медотсека. Иди уже! И можешь заходить ко мне в любое время! Слышишь? В любое!

Далеко за полночь Марк обнаружил коммодора сидящей на верхней ступеньке лестницы капитанского мостика в компании початой бутылки вина и упаковки сыра. Адамс говорил, что коммодор не пьет, но иногда, перед возвращением на Тарон, на нее находит. Сегодня, видимо, тот самый случай.

Так странно было видеть ее в обычной одежде, не в форме, человеком, а не официальным лицом. Вчера, когда они решали тактические задачи, она была в больничной рубашке, но неловко себя чувствовал именно он, будто был одет не по случаю. Они свободно общались, но коммодор держала дистанцию, он хорошо это ощущал. Язык не поворачивался называть ее иначе как на «вы». А сейчас, сидя к нему спиной в футболке с широкой горловиной, открывающей плечи, она казалась какой-то уязвимой. Настоящей. Не коммодор, просто Карен. Она вертела в руках почти пустой бокал и о чем-то думала. Он хотел уйти и не мешать, но вместо этого спросил:

– Вы вообще спите?

Она вздрогнула и обернулась. Встретившись с ней взглядом, он отдал честь и вытянулся по стойке смирно. Коммодор поморщилась:

– А чем я, по-вашему, занималась все эти три дня в медотсеке? Вольно. – Она подвинулась к краю ступеньки и похлопала рядом с собой. – Присоединяйтесь. И давайте без формальностей. – Марк принял приглашение, но расположился не рядом, а на пару ступенек ниже. Она кивнула на панорамный иллюминатор: – Красиво.

Марк согласно наклонил голову – на темном небе, среди сверкающих звёзд переливались сигнальными огнями корабли флота. Он легко нашел среди них свой фрегат «Индиго» – александрийской сборки, немного устаревший, но маневренный и быстрый. Быстрее только «Карим» Монкрифа, самый лучший фрегат из тех, что ему доводилось видеть. С хейдаганскими кораблями вообще тягаться бессмысленно – они всегда выигрывают и по характеристикам, и по эстетике. Корабли, как бабочки, глаза цвета туманности...

– Мы уже который раз сталкиваемся среди ночи. – На ее лице мелькнуло удивление, но возражать она не стала. Возможно, поняла, что тогда он видел ее в дверях своей каюты.

– Это что-то значит? – безразлично спросила она, допивая остатки напитка в бокале.

– Не знаю. – Он действительно не знал. Неожиданно для себя он увидел ее не как командира, бесполой источник приказов, а как человека. Не до конца понятного, с причудами, но живого, чувствующего и интересного. Остро хотелось узнать ее лучше. Он по полночи проводил на мостике, в надежде увидеть ее снова, но то ли время неправильно угады-

вал, то ли она вовсе не приходила. Она ему нравилась, но она коммодор и... леди, кажется, а он капитан под ее началом и никто. Очень плохой расклад для чего-то большего, чем служебные отношения. – Вы тогда так и не задали следующий вопрос.

– Серьезно?! Хотите продолжить? – Карен оживилась и внимательно на него посмотрела.

– Почему нет?

– А если вопрос будет неудобным?

– Я тоже умею задавать неудобные вопросы.

– Тогда лучше не здесь. – Карен встала и подняла со ступенек бутылку и бокал, Марк подобрал упаковку с сыром. – Куда пойдем? – поинтересовалась она, лукаво сузив глаза. – Может, ко мне?

Марк ничего не имел против этой идеи.

Коммодору предсказуемо принадлежала самая лучшая и самая большая каюта на корабле. Здесь вполне комфортно разместились бы все старшие офицеры, если вдруг коммодору понадобилось провести совещание. Однако роскошной обстановкой и особым положением здесь и не пахло – все предельно лаконично и достаточно близко за исключением нескольких мелочей. Деревянная расческа с замысловатой резной ручкой – очень красивая и дорогая вещица, которая выглядела здесь совершенно неуместно и странно. Фото властного черноволосого мужчины и красивой женщины со сложной прической из каштановых волос. Лицо мужчины

было смутно знакомым, но никак не получалось вспомнить, где он мог его видеть. Открытая упаковка разноцветных леденцов. Коммодор любит сладкое?

Раздался сухой щелчок, на стол упали две половинки карты электронного ключа.

– Это чтобы вы не сбежали раньше времени с моего допроса, – усмехнулась Рэджи. Она достала еще один бокал и поставила его на стол рядом со своим. – Присоединяйтесь к моему празднику. – Марк с сомнением посмотрел на бутылку. Карен пояснила, разливая напиток по бокалам: – Это настоящее вино, из ягод. Не самое лучшее, но с синтетикой не сравнить. Когда еще вам удастся такое попробовать?

– А что отмечаем?

– Мое выздоровление при вашем активном содействии и возвращение домой! Завтра, вернее, уже сегодня берем курс на Тарон.

Марк расположился в кресле и поболтал бордовую жидкость в бокале. Запах был немного странный, но приятный. Синтетическое вино пахло похоже, но сильнее. А вот вкус был совсем другим, и как-то удивительно менялся с каждым глотком. Бокал опустел совсем незаметно. По телу разлилось приятное тепло и легкость.

– Мне нравится. – Марк улыбнулся.

– Не удивлена, – улыбнулась Карен в ответ, забравшись с ногами в кресло напротив. – Давайте прямо. Эм... капитан? Марк?

– Марк.

– Почему вы отказываетесь от повышения?

Ну вот как объяснить то, что он не от повышения отказывается, а совсем от другого?

– Я привык к своему фрегату, знаю, на что способен этот корабль и люди, которые со мной работают. И пока я его капитан, вы можете быть уверены, то, за что отвечаю я, будет сделано так, как надо. Если я стану капитаном Метели, Адамс не обрадуется, а я не хочу врага в его лице. Понадобится время, чтобы почувствовать корабль, время нужно будет и людям, чтобы узнать и принять меня. А учитывая то, как давно они знают Адамса, сами понимаете...

Карен помолчала минутку, обдумывая сказанное, потом скептически заявила:

– Все это решается в рабочем порядке. Мне почему-то кажется, что настоящую причину вы не озвучиваете.

– Можно, я тогда тоже неудобный вопрос задам? – Карен кивнула. Марк собрался с духом и спросил: – Зачем вам нужны были эти три дня моего капитанства? Мы стоим в доках, и вся ответственность – это построения. Разве старший помощник Адамса не мог с этим справиться? Зачем нужна была эта игра или, я не знаю, обман с отпуском Адамса?

Карен поперхнулась кусочком сыра и закашлялась. Марк ждал, не делая попыток как-то помочь, но кашель все не прекращался. В какой-то момент Карен попыталась сделать вдох, но у нее не получилось. Лиловые глаза в панике расши-

рились. Марк испуганно вскочил, рывком поднял девушку, перекинул животом через свое колено и открытой ладонью похлопал между лопаток. Карен снова закашлялась, и Марк перестал. Когда кашель прекратился, она сползла с его колена, вытерла выступившие слезы и тихо проговорила, опустив голову:

– Простите капитан. Я слишком привыкла к тому, что кроме Монкрифа мне мало кто возражает. Вы отказывались. Это был вызов. Мне нужно было любой ценой сделать, как я хочу, оставить за собой последнее слово. Понимаю, это глупо, но вот так... И мне нужно было время, чтобы понаблюдать за вами и придумать, как отблагодарить. Теперь уже дважды.

Марк сел на пол рядом – его все еще немного трясло. Через пару глубоких вздохов он успокоился и попытался поймать взгляд Карен, но она прятала глаза, и он не стал настаивать:

– Я уже говорил, что мне ничего не нужно. Достаточно искреннего спасибо.

Карен, наконец, подняла голову и посмотрела прямо и открыто:

– Спасибо. – Она помолчала. – Но этого достаточно вам, не мне. Вы снова спасли меня. Я чувствую себя должной, и не могу успокоиться, пока не верну этот долг. – Она говорила честно, и он почти физически ощущал и ее благодарность и готовность на все, лишь бы ее вернуть. Марк по-

мог Карен подняться с пола. Ее миниатюрная ладонь почти утонула в его руках. Маленькая, но вовсе не хрупкая, в ней чувствовалась сила и решительность. Карен едва заметно поморщилась, возвращаясь в кресло. – Как вы раскусили мой финт с Адамсом?

– Сложно объяснить, – Марк смущенно потер лоб, – но я попробую. Видите ли, я эмпат: чувствую и понимаю эмоции других и иногда могу определить, врет человек или говорит правду.

– Да вы прям ходячий детектор лжи!

– Если бы! – грустно усмехнулся Марк. – Оно работает не всегда и только на тех, кого я хорошо знаю или с кем удалось хоть немного пообщаться.

– И как это выглядит?

– У меня появляется ощущение, что слова окрашиваются в цвета или меняют температуру. Холод или синий цвет – правда, красный или тепло – ложь. Так вот, к тому моменту, когда вы мне предложили стать капитаном, я уже мог соотносить ваши слова со своими ощущениями... И я так и не понял, что это было. То ли красное, то ли синее, не холодное и не теплое – не правда, но и не ложь, похоже на игру. Игра ведь по сути что-то не настоящее, но и не обман.

Карен подалась вперед:

– Вы опасный человек, Марк. Ваша наблюдательность и эта способность... Не завидую вашим врагам.

– Так будьте моим другом, – предложил Марк и тут же за-

молк, испугавшись собственной наглости. Карен на мгновение замерла, а потом засмеялась так заразительно и искренне, что Марк облегченно выдохнул и сам растянулся в улыбке. Карен разлила остатки вина по бокалам и предложила:

– Давай скрепим нашу дружбу.

Чтобы сравняться взглядами, Марку пришлось встать на одно колено. Они переплели руки, бокалы опустели, и время как будто остановилось. Она была так близко и так бесконечно далеко. Марк смотрел и не мог наглядеться, боялся даже моргнуть, вдруг исчезнет. Они одновременно подались на встречу друг другу, но тут же замерли, будто наткнувшись на невидимую преграду. Марк резко выдохнул, сбрасывая наваждение. Карен аккуратно высвободила свою руку и поставила бокал на стол:

– Вам пора, – тихо произнесла она. – Я свяжусь с Кларк, она принесет ключ и выпустит вас.

– Может, лучше обойдемся без свидетелей? – Ему очень не хотелось быть объектом сплетен. И хоть Кларк в этом смысле абсолютно надежна, испытывать неловкость при случайной встрече с ней в коридорах тоже неприятно.

– Я бы рада, но ключ сломан... – Марк пожал плечами и присел перед панелью замка. Отщелкнул крышку, ковырнул провода, скрутил белый с зеленым и белый с желтым, и нажал маленькую незаметную кнопку. А когда замкнул красный и черный провода, дверь разблокировалась и открылась с тихим шипением. Карен удивленно переводила

взгляд с него на дверь и обратно: – Не знала, что вы настолько хорошо разбираетесь в устройстве замков.

– Я и не разбираюсь, – ответил Марк, приводя провода в первоначальный вид и возвращая крышку панели на место. – Но иногда знание о том, как открыть запертую дверь может спасти жизнь. Или репутацию. Доброго утра, Карен.

– Доброго утра, Марк.

Капитан ушел, а Карен осталась. Через минуту вошла Кларк. Бросив взгляд на сломанный ключ, бутылку из-под вина, два бокала и неподвижно сидящую в кресле Карен, она ничего не сказала и встала у двери.

– Как скоро он исчезнет, если я подпущу его ближе? Что я не так делаю? – Карен встала и заглянула в горлышко бутылки. Обнаружив внутри несколько оставшихся капель, она встрясла их в свой бокал.

– Это зависит не от вас.

– Ну да, это рука Космоса наказывает меня. – Карен криво улыбнулась и опрокинула бокал в рот. – Понять бы еще, за что...

Глава 3

Доктор Вундермахер внимательно разглядывал рану на боку Карен и хмурился:

– У меня есть подозрения, милочка, что тебе чрезвычайно нравится моё общество, и ты хочешь снова вернуться в медотсек.

– С чего вы взяли?! – возмутилась Карен.

– А с того, радость моя, что, судя по состоянию раны, ты либо носилась как угорелая, либо, ну скажем, – доктор поправил очки на переносице, – половину ночи занималась на тренажерах. Хотя я, выпуская тебя за пределы медотсека, рекомендовал покой! Шов не разошелся, но кровит. Если ты, дорогуша, как коммодор, позволяешь себе игнорировать мои рекомендации, значит и для остальных мой авторитет врача и компетенция под большим вопросом.

– Ни в коем случае!..

– Молчать! – вдруг гневно перебил доктор и тут же продолжил, уже спокойно: – Сейчас ничего непоправимого не случилось. Но еще один инцидент с нарушением режима, и, как бы мне ни хотелось, ты будешь искать другого капитана медицинской службы. Это не пустая угроза, ты меня знаешь.

– Я поняла вас. – Карен сникла. Ей совершенно не хотелось терять такого классного специалиста как Вундермахер.

И ведь никак не объяснить, что режима она не нарушала, просто подавилась куском сыра и была спасена несколько... агрессивным способом. Но доктор прав, придется все же обуздать собственную импульсивность и дух противоречия. Тем более что требовалось всего лишь не лезть в работу медотсека и, следуя рекомендациям, соблюдать режим. Первое было просто, а вот со вторым большие проблемы – одной не справиться, нужна помощь.

Карен глянула на Кларк, замершую у двери – вот она поможет. Мало того, еще и обрадуется. Но уж лучше цапаться с Рой, чем потерять Вундермахера.

Доктор ушел, а Кларк осталась. Она всегда рядом или где-то недалеко и стала совершенно незаменимой. Как часть себя, которую не замечаешь, но которая в нужный момент оказывается там, где и должна быть. Только неизвестно, что на этот счет думает сама Рой. Все попытки выяснить не продвигались дальше «это мой долг». Но Карен надеялась, что долг это не все, что их связывает, даже если Рой не хочет в этом признаться.

– Ты ведь уже делала запрос на проверку Костолица, каков результат? – спросила Карен, надевая китель.

– По данным службы безопасности Тарона, он чист. – Она сделала акцент голосом был на «службы безопасности».

– Отлично! Но есть какое-то «Но»? – Уточнила Карен. Удивительно. Рой не часто высказывает свое мнение, но если такое происходит, как минимум стоит прислушаться.

– Да. Он похож на меня.

– Тебе не кажется, что это слишком странный аргумент? Ты сама три дня назад настаивала только на элементах внешнего сходства.

– Я сказала, вы слышали. Больше нечего добавить.

Карен вздохнула, иногда Рой казалась какой-то совершенно незнакомой и говорила вещи, понятные только ей. Но у нее была пара контузий, возможно, причина в этом. Карен махнула рукой, отпуская Рой. Та, поклонившись, ушла. Карен была очень благодарна Кларк за то, что она не ходит по пятам и делает свою работу так, что ее не видно и не слышно.

Возвращаясь к себе из медотсека, Карен прошла мимо каюты Костолица. Дверь снова была приоткрыта. Что за мания оставлять двери нараспашку? Раз уж по данным СБ он чист, у нее была для него хорошая новость, но она не знала, как ее лучше сообщить – лично или по комму. Карен помедлила немного, решая пройти мимо или все-таки заглянуть. Любопытство взяло верх, и она вошла, постучав перед этим для приличия. Марк при виде нее вскочил и отдал честь. Карен изобразила ленивый жест в ответ и попросила:

– Вольно. Марк, вы можете быть свободны от командования Метелью.

Марк расслабился и сел в кресло:

– Хорошо.

Карен украдкой огляделась – пусто. Ни личных «говоря-

щих» вещей, ничего. Только аккуратная стопка чистой отглаженной формы на столе. Специально не показывает себя или действительно настолько унылый и безликий? С виду так и есть, а на самом деле по доброй воле возится с тактическими задачами, взламывает замки, носит с собой перевязочный пакет, отказывается от повышения, да еще и эмпат. Кажется, любопытнее уже некуда...

– Неужели вам это назначение так неприятно?

– Полученное подобным образом – неприятно.

Надо же какой честный! И ведь не боится, что такая откровенность может выйти как-нибудь боком. Она помолчала и, собравшись с мыслями, проговорила:

– Но я все же хочу предложить вам другой контракт. – Она подняла руку, предвосхищая его возражения. – Выслушайте хотя бы! – Марк согласно кивнул. – Я хочу расширить флот еще на несколько кораблей, в идеале раза в два, но это куча документов и времени. Большую часть я уже подготовила, остальные требуют моего личного присутствия. К тому же иногда возникает необходимость бывать одновременно в нескольких местах. Одной меня просто физически не хватает на всё. Остается еще ежедневная рутина, на которую уходит бездна времени. И еще, вы знаете, бывает так, что мне приходится бросать флот. В общем, мне нужен помощник, заместитель, доверенное лицо, на которое я смогу положиться.

Марк какое-то время ошарашено молчал. Карен понима-

ла, что предложение достаточно серьезное, потому прикусила губу, чтобы не мешать осознанию и принятию решения своей случайной репликой. Капитан хмурился и думал достаточно долго, но она терпеливо ждала. *И рассматривала его украдкой – даже сидя в кресле, он выглядел высоким, длинные руки, крупные ладони. А еще от него почти никакого запаха, так, едва уловимая приятная горчинка. Ну и что она делает? Своими собственными руками зарывает все возможности на отношения с ним как с мужчиной. Если он согласится, то завести роман с собственным замом будет верхом неприличия, нарушением деловой этики, субординации и собственного запрета на отношения с подчиненными одновременно. Самым серьезным аргументом был именно последний пункт. они будут видеться часто, а она вовсе не железная. Черт, ну нравится он и все тут! А если он не согласится, может, тогда и не настаивать? Но заместитель очень нужен и давно уже. К тому же при любом раскладе он останется ее подчиненным...*

Марк вдруг заговорил, выдергивая ее из глубины размышлений:

– Боюсь, я не смогу. Я простой капитан, и то, что вы предлагаете для меня неподъемно.

– Я уверена, вы справитесь. До Тарона почти две недели пути, достаточный срок чтобы войти в курс дел. Я очень рассчитываю на вас.

Марк сузил глаза и стал похож на хитрого лиса. Впечат-

ление усилил хвост светлых волос, перекинутый со спины на плечо.

– Почему именно я? Разве больше не нашлось достойных кандидатур?

Карен печально вздохнула:

– Человеку со стороны я не доверяю, Адамс не годится, он нужен на флагмане. Вундермахера интересует исключительно медотсек и всякие болячки. Младшие офицеры просто не потянут. А одна из достойных кандидатур отказала мне, опасаясь, что свихнётся раньше, чем от нашего сотрудничества будет хоть какой-то толк, – грустно усмехнулась она.

– Как-то уж очень мягко выразился Дени Монкриф, или это был не он? – улыбнулся Марк.

– Ну да, я привела цезурный вариант его отказа, – рассмеялась Карен и тут же посерьезнела. – Никаких игр, никакого обмана. Мне важно, чтобы человеку, который будет рядом, я могла доверять. Ну, так как? Вы собираетесь последовать примеру Дени, и мне пора затыкать уши, или хотя бы обдумаете эту идею?

– Сколько я могу думать?

– Недолго. К вечеру мы отчаливаем, до этого вам нужно определиться и передать кому-то командованием вашим фрегатом, если вы все же примете мое предложение. – Марк молчал, и Карен понимала его колебания, но очень надеялась, что удастся его убедить. Большинство тех, к чьему мнению она прислушивалась, в один голос утверждали, что Ко-

столиц хороший вариант для заместителя.

– Боюсь, разочаровать вас.

– Зря боитесь. Карен покачала головой: – Вы ничего не теряете. Если не сработаемся, вернетесь на свой фрегат и все останется как и прежде.

– Если внятно и без обмана объясните свой выбор, то я не буду думать и соглашусь.

– Легко! Вы честны, не боитесь мне перечить, и я вам верю. Лично для меня этого больше чем достаточно. К тому же у меня действительно кроме вас нет других альтернатив.

– Я согласен.

– Спасибо! – Карен с облегчением вздохнула.

Марк забрал с Индиго вещи и раскладывал их в теперь уже окончательно своей каюте на Метели. Он открыл маленькую черную коробочку и поставил поближе к лампе, чтобы кулон, лежащий в ней, зарядился. В середине ажурной сферы из тончайших металлических и прозрачных нитей, зашевелился, словно живой, алый сердечник. Купаясь в энергии света, он повис в центре сферы, пульсируя и меняя цвет, будто крупца огня. Каждый раз, когда он смотрел на этот огонь в клетке, вспоминал маму, и обязательно приходила уверенность, что все будет хорошо. Глупо таскать памятные мелочи с собой, но этот кулон слишком много помнил и слишком много значил.

Марк поставил рядом с коробочкой телефото друзей –

Клод смущенно улыбался, а Айя махала рукой. Они заменили ему семью, а станция Лотос стала настоящим домом. Он не был там уже полгода и неизвестно, сколько еще не будет.

Он так резко и неожиданно вдруг из капитана стал постоянным заместителем коммодора, что еще не привык к этой идее. Временным обычно был Дени Монкриф и никто этого никогда не оспаривал. Но он отказался быть постоянным, ведь не просто так они с коммодором ругались. Дени его уже поздравил и сказал, что хоть и не завидует новой должности, но решению Рэджи не удивлен, что только он сможет ее выдержать. Почему «выдержать»? Реджи вполне адекватный командир. Разве что более жесткая и резкая, когда не в настроении, но это бывает нечасто. С другой стороны, Дени ее знает лучше, а он сам не знает совсем. В крайнем случае, если они не сработаются, он вернется назад на «Индиго», она обещала.

Пискнул комм на руке. Марк глянул – сообщение от Адамса. Шестое поздравление за последние три часа. А самым первым его поздравил Берковиц, буквально через несколько минут после того, как был разослан приказ. Они были немного похожи друг на друга – оба высокие, белокожие и светловолосые. А Джаспер каждый раз плевался, путая их имена и фамилии – Марк Костолиц и Майкл Берковиц. Они дружили до сих пор, хотя виделись редко – трудно пересечься, если находишься на разных кораблях. Теперь будут видаться чаще – один из плюсов его новой должности.

Приятно, черт возьми, что коммодор сочла его достойным! И она не лгала, когда говорила, что верит в него. Поэтому и согласился в итоге. Теперь нужно постараться ее не разочаровать.

Индиго в надежных руках бывшего старпома, который знает его лучше и дольше, чем Марк. А он сам теперь поймет, как работает флот изнутри и как Рэджи при своем противоречивом характере умудряется рулить таким количеством людей. На его памяти Волков ни разу не обманули с качеством ремонта, припасов и не кидали на деньги. У коммодора на удивление надежные поставщики, это интересно и может пригодиться дома. Но если они сработаются, можно ведь и не усердствовать с отчетами.

Марк полюбовался на аккуратно висящие и разложенные ровными стопочками вещи в шкафу – хорошо, когда все на своем месте.

В каюту постучали, он распахнул приоткрытую дверь. На пороге стояла Кларк.

– Коммодор требует вашего присутствия, – официальным тоном огласила она причину своего визита. Странно, что Рэджи прислала саму Кларк, а не приказ по комму. Но раз требует, значит, нужно идти. Марк глянул мимоходом в зеркало, убедился, что все в порядке и вышел:

– Я готов.

Кларк без слов развернулась и пошла, даже не посмотрев, идёт ли он за ней. Марк немного помедлил и направился сле-

дом. У каюты коммодора, Кларк остановилась. Немного помолчав, она сказала:

– Капитан Костолиц, Марк, ничему не удивляйтесь. Это не розыгрыш. Пожалуйста, запомните, это важно. – Она была спокойна и он не нашел никаких намеков на то, что именно его ждет за дверью – разнос ли, рутинная встреча или нечто из рук вон, о чем знает только Дени Монкриф.

– Я что-то не совсем понимаю, – начал, было, Марк, но Кларк перебила его:

– Сами сейчас всё увидите, а она вам объяснит.

– Кто? Коммодор?

В ответ Рой только тряхнула головой – не то согласно, не то отрицательно, Марк так и не понял.

Карен в форме волков стояла посередине каюты, заложив руки за спину, прямую, будто она палку проглотила. Вся точно закутана в холодный кокон. Лицо застывшее, невозможно понять, что она чувствует, а лиловые глаза словно подернуты тонким слоем льда. Коммодор явно не в настроении. Что-то будет...

Марк отдал честь и щёлкнул каблуками.

– Капитан Костолиц по вашему приказанию прибыл!

– Присаживайтесь, капитан. – Она указала на стул посередине каюты.

– Я не...

– Сядьте, – со стальными нотками в голосе перебила она. Вспомнив, что коммодор не любит, когда на нее смот-

рят сверху, Марк подчинился, однако повернул стул к себе и оседлал его, сложив руки на спинке. Коммодор недовольно сверкнула глазами, но ничего не сказала.

– Позвольте представиться, – протянула руку она. – Елена Рэджи.

– Елена? – не понял Марк, от удивления не заметив, как все-таки пожал протянутую руку.

– Именно.

Ему стало тошно – снова какая-то игра или обман. Хотя она обещала, что подобное не повторится! Но вот что странно, видел он Карен, но чувствовал ее так, будто перед ним совсем незнакомый человек. Он оглянулся на Кларк, ее красивое лицо было бесстрастно, будто так и надо, будто и не называлась коммодор другим именем. Марк поборол желание встать и уйти, решив все-таки потерпеть с выводами и посмотреть, что же будет дальше.

– Марк, можно я вас буду так называть? – Не дожидаясь его ответа, она продолжила: – Вам предстоит тесно работать с Карен, к тому же ваши отношения несколько вышли за рамки служебных, и я приняла решение посвятить вас в нашу маленькую тайну, о которой вы рано или поздно всё равно узнали бы...

Марк внимательно разглядывал ту, что стояла перед ним. Она действительно была будто сама не своя – глыба изо льда, а не яркий переменчивый огонек, даже, цвет волос потускнел. Его пристальный взгляд, казалось, совершенно не вол-

новал её.

– Что вы знаете о психоменталистике и ментальных картах? – спросила она.

– Практически ничего...

А точнее, он знал то же, что и все – технология давно запрещена на территории государств Альянса, а на Зеде те, у кого есть деньги, пользуются ею, чтобы продлить себе жизнь, ну или сменить обрюзгшее от обильных возлияний тело на другое, красивое, молодое и подтянутое. Но какое отношение это все имеет к коммодору и ее... обману? Сумасшествию?

Рэджи неторопливо мерила шагами каюту, заложив руки за спину, и невозмутимо продолжала:

– Карен и я сестры-близнецы. По воле обстоятельств я должна была умереть, но Карен согласилась стать донором для моей ментальной карты. В качестве побочного эффекта сестра потеряла все воспоминания до момента переноса, она также ничего не помнит о том, когда я просыпаюсь полностью, как сейчас.

Так вот откуда ее провалы в памяти! История выглядела хоть и странно, но достаточно логично.

– Почему сама Карен ничего не знает об этом?

– Узнает, всему своё время, – со сталью в голосе ответила Рэджи, но тут же немного смягчилась: – сейчас мы обе находимся в определённом равновесии и не мешаем друг другу. А если Карен узнает обо всём сейчас, это равновесие будет

нарушено, а я ещё не готова к такому повороту в наших с ней отношениях.

Марка вдруг коснулась тень ее чувства... страх? Бред какой-то. Она вовсе не выглядела напуганной, скорее своим острым холодным взглядом сама кого угодно могла напугать. Марк не выдержал:

– Какие отношения между вами?! Она ничего о вас не знает, а вы просто используете её для своих целей!

Елена лишь поморщилась:

– Вы не понимаете, поэтому, пожалуйста, оставьте всё как есть.

Марку стало неловко за свою реакцию. Он не понимал почему эта ситуация его так задевает. Ведь это совсем не его дело, тем более что он ни черта не смыслит во всех этих психоментальных штучках. Некоторое время он молчал, успокаиваясь, затем спросил:

– Интересно, а вы... у вас нет провалов в памяти, когда Карен...

– Я помню всё. – Елена снова прошла по каюте. Марк отметил про себя, что двигается она без той стремительной грации, присущей Карен. Она повернулась, и он поймал ее внимательный взгляд, такое ощущение, что она его препарирует, он внутренне передернулся. Елена продолжила: – Когда я полностью просыпаюсь, как сейчас, личность сестры уходит вглубь и не участвует в происходящем. Когда просыпается сестра, я засыпаю и вижу сон о происходящем с ней,

но, усилием воли, я могу уйти также глубоко, как сестра, и вернуться, при определенных условиях.

Марк пытался переварить услышанное – получается, что Карен делит тело с сестрой Еленой и ничего об этих моментах не помнит. А вот её сестра, напротив, помнит все. Мало того, именно она решает, кто будет занимать тело в данный момент. *Звучит странно, но он плохо знаком с возможностями психоменталистики, потому* вслух он сказал:

– Это многое объясняет. Но вы должны рассказать все Карен!

– Я никому ничего не должна! Тем более вам, – заявила Елена с ледяным спокойствием.

– Тогда я сам ей все расскажу. – Его руки сами собой сжались в кулаки, Марк встал, намереваясь уйти. Он понимал, что несет чушь, что не имеет права вмешиваться, но не мог остановиться – несправедливо скрывать от человека такую важную правду о нем самом.

– Вы этого не сделаете! – Елена повысила голос совсем чуть-чуть, но Марку показалось, что она его оглушила, столько внутренней силы было вложено в эти слова. – Я понимаю ваше негодование, капитан, но послушайте меня, пожалуйста! – Марк помедлил и молча кивнул. – Я ищу способ нас разделить, но не хочу ложной надежды. Поставьте себя на место Карен: если бы вы узнали, что у вас в голове кроме вас самих живет кто-то ещё. Без возможности избавиться от этого...

А ведь действительно, как бы себя чувствовал он сам, узнай, что он неизлечимый псих? Наверняка, паршивое ощущение:

– Да, тут вы правы, лучше иметь провалы в памяти, чем неизлечимую шизофрению...

– Я рада, что вы меня понимаете, – лед в глазах Елены растаял, она приветливо улыбнулась. – Поверьте, я не желаю зла Карен, я стараюсь по минимуму использовать своё преимущество. Вы ведь обратили внимание, что я нечасто просыпаюсь. Мне это не идёт на пользу, но я делаю это ради сестры.

– Хорошо, я понял. И я хотел бы помочь, если позволите.

– Спасибо, помощь нам действительно нужна, однако пока несколько в ином контексте. Иногда работать приходится мне, но мое поведение порой отличается от поведения Карен, хоть я и стараюсь эту разницу сгладить. Я прошу вас не распространяться о том, что нас двое и опровергать любые слухи и домыслы в этом отношении.

– Да, с этим я помогу, – согласился Марк.

– И, пожалуйста, прошу вас, пусть Карен пока ничего не знает, – попросила девушка, глядя ему в глаза.

– Но она узнает? – не отводя взгляда, спросил Марк.

Елена отвернулась.

– Узнает. Дома, на Тароне.

– Хорошо.

Елена жестом отпустила Марка. Он покинул каюту в неко-

торой растерянности, Кларк вышла за ним следом.

– Как вы, Марк?

– Если честно, я ещё не знаю. Видеть коммодора и одновременно понимать, что это не она, для меня это слишком. – Он взъерошил волосы в замешательстве. – Трудно поверить в то, что про сестер это правда, а не раздвоение личности или что-то вроде бреда.

– Это правда. Елена когда-то была человеком, а сейчас их двое в одном теле. – От Кларк веяло спокойствием и уверенностью, толика этих чувств передалась и ему. Марк понемногу приходил в себя.

– Они же абсолютно разные! Как же я и другие это не замечали?

– Сейчас, разговаривая с вами, она была самой собой, не стремясь быть похожей на сестру, но она отлично играет роль Карен. До сего дня вы ведь не замечали разницы, – возразила Рой.

Марк покачал головой:

– Раньше это называлось «коммодор не в духе», а сейчас...

– А сейчас важно чтобы никто эту разницу никогда не увидел, – перебила Кларк.

– Еще кто-то знает?

– Только вы. Она так решила, – свернула разговор Рой.

Костолиц ушёл, а Кларк вернулась в каюту. У неё было несколько вопросов к Елене по поводу последнего дела с зе-

дианцами. Однако просто спросить её об этом статус не позволял. С Карен в этом плане было гораздо легче: та вообще не обращала внимание на их статусную разницу, и её можно было спрашивать почти о чём угодно, но Рой никогда самой себе не позволяла выходить за рамки.

Елена спиной ко входу что-то задумчиво разглядывала в иллюминаторе.

– Я знаю, у тебя есть вопросы, спрашивай, – бросила она, не поворачиваясь.

– Что за информацию вы приобрели? Карен ничего не помнит и расспрашивает меня. Я рассказала ей то, что знала, и то, о чём смогла догадаться, однако большую часть произошедшего объяснить не смогла. А вы прекрасно знаете, что, не получив исчерпывающих объяснений, она начинает искать ответы сама, с непредсказуемым результатом. Что ей сказать?

Елена минутку помолчала и ответила:

– Да, ты права. Но Карен это ничего не объяснит. Я ищу одного человека, доктора Анастаса Бергера. Я предполагала он найдется у барона Рю. Только его лаборатории занимаются исследованиями в психо- и нейроменталистике. Но я же не могу просто пойти к главе артели и спросить: «а не работает ли у вас такой человек?» Пришлось идти в обход.

Рой прекрасно помнила этого ученого – он занимался исследованиями под патронажем леди Рэджи, потом, когда случилось несчастье с Еленой, работал с сестрами. А одна-

жды сбежал с Тарона, прихватив какие-то документы из лаборатории. Леди была в ярости, но искать его и преследовать не стала. Оказывается, он обосновался на Зеде и теперь зачем-то понадобился Елене. Возразить ее способу добычи информации было нечего.

– Вы нашли то, что искали?

– На этот раз да!

– Не самая удачная ваша операция. Вы чуть не умерли...

Елена повернулась и ошеломленно посмотрела на Рой.

– Не говори ерунды! Я была ранена столовым ножом. Хватило бы простой перевязки!

– Вы дали себя ранить столовым ножом?! – Рой была поражена и не смогла скрыть свое удивление.

Щеки Елены порозовели от смущения и стыда, но она быстро взяла себя в руки:

– Ты прекрасно знаешь, я – не Карен и не сильна в рукопашном бою. – Что правда, то правда, Карен никогда бы не допустила подобного промаха. И уж точно не пошла бы на сомнительную встречу без охраны. И советы, связанные с безопасностью она все же принимает во внимание, в отличие от Елены. – Так что случилось?

– Вам вкололи психоактивный коктейль и Карен не сразу поняла, что ранена, а когда поняла, уже успела потерять много крови.

– Вот как... Я не знала. – Елена осторожно дотронулась до левого бока. – Я проснулась только вчера вечером. Сколь-

ко всего произошло, пока меня не было... и Костолиц в придачу...

– Зачем было ему рассказывать про то, что вас двое? – поинтересовалась Кларк.

– Мне любопытно было посмотреть на его реакцию, – спокойно ответила Елена.

– И как вам его реакция?

– Ну... – протянула Елена, – довольно неожиданно. Я надеялась, что он не поверит или, в крайнем случае, испугается, а он поверил, да ещё и заставил дать обещание рассказать всё Карен. В остальном, ничего особенного, очередной тупой солдафон.

– А если он все же расскажет Карен о вас?

– Не расскажет. Разве ты не заметила его гипертрофированной честности? Это неспроста, но мне безразличны причины, пока я могу это использовать.

– Вы поступите с ним так же, как и с предыдущими?

– Так же в любом случае не получится. Но я ещё подумаю над этим вопросом... – задумчиво проговорила она.

Рой некоторое время колебалась, затем всё-таки решилась высказаться:

– Я понимаю, что это не моё дело, но, может, не стоит снова вмешиваться в дела Карен? Пусть она сама выбирает и строит отношения.

Елена смирila её презрительным взглядом и холодно ответила:

– Как ты совершенно справедливо заметила, это не твое дело. В любом случае то, как я решу с ним поступить, будет во многом зависеть от него самого. А тебя я уже, кажется, предупреждала, держи своё ценное мнение при себе, если хочешь и дальше без проблем делать свою работу! – холод в словах Елены ощущался почти физически, и Рой не стала дальше испытывать судьбу.

– Извините, вы, как всегда, правы, – коротко поклонившись, она вышла и заняла позицию у двери каюты снаружи.

Поздно ночью Марк сидел на мостике за бортовым компьютером, однако мысли его были далеко от тактических задач. Он искал информацию о ментальных картах в библиотечной базе корабля. Большую часть найденного понять было сложно – текст пестрел терминами и заумными объяснениями. Однако ему всё же удалось продрасться через научные дебри, при помощи пары словарей. Он узнал, что суть технологии заключается в копировании жизненного опыта человека в какой-то специальный кристалл. Потом из кристалла этот жизненный опыт, или ментальную карту, переписывали в сознание донора. Правда, везде говорилось о том, что донор – это «живой труп», иными словами живое тело с сохраненным мозгом и без признаков личности. Ещё он нашел статьи об экспериментальных переносах ментальных карт в доноров с существующей личностью, но при этом возникали осложнения в виде различных психических расстройств.

Возможно, то, что их двое в одном теле – это просто бред воспаленного сознания Карен... или не Карен. Да, коммодор иногда вела себя непредсказуемо, но безумной точно не была. В её сумасшествие верилось гораздо сложнее, чем в то, что Елена – это отдельная личность. Он поймал себя на мысли, что легко воспринимает Елену и Карен как абсолютно разных людей.

Но они, действительно, разные, практически противоположности друг друга. Наверное, это объясняется тем, что Елена большую часть времени проводит как... как... – Марк мучительно пытался подобрать слово – мысль! А мысль не умеет быть эмоциональной. Эмоции – это химия тела, которой прекрасно управляет Карен, и управление которой ограничено доступно Елене, ведь она большую часть времени проводит вне тела. Да, скорее всего именно поэтому она холодна, малоэмоциональна и до безобразия логична. Не то что Карен... С другой стороны, Елена и правда не злоупотребляет своей возможностью без ведома сестры занимать её тело. Это же архисложно иметь такую возможность и не поддаться искушению использовать ее в собственных целях. Он даже зауважал эту ледяную принцессу, ставшую таковой не по своей воле.

Он понял, что продолжать заниматься тактикой сегодня бессмысленно, поэтому закрыл тактическую программу, а его мысли сделали новый виток – коммодор... Он мучительно пытался найти компромисс между обещанием, дан-

ным Елене, и ощущением несправедливости по отношению к ничему не знающей Карен... Но, с другой стороны, он бы сам предпочёл ничего не знать о том, что он сумасшедший шизофреник, чем знать и быть не в силах что-либо изменить. Эта мысль склонила его придерживаться пока плана Елены и молчать. В конце концов, до Тарона осталось всего полторы недели полёта, не так уж много...

Как же ему хотелось увидеть сейчас Карен, живую, подвижную, переменчивую, как огонь, а не холодную, как ледяная глыба...

– Капитан, что-то случилось? – окликнул его смутно знакомый голос. Марк сфокусировал взгляд на его источнике.

– Сарита, что ты здесь делаешь?!

Глава 4

– То же, что и ты, работаю здесь, – промурлыкала Сарита. Ее приятный грудной голос завораживал, а мягкость и вкрадчивость движений напоминали александрийскую хищную кошку. Марк видел Сари последний раз около двух лет назад. Она почти не изменилась – все такая же стройная, загорелая, ухоженная и аккуратно покрашенная. Только черные волосы теперь забраны в пучок, открывая высокие скулы, а раскосые карие глаза больше не прячутся за длинной челкой. Однако все плюсы ее внешности сводил на нет отвратительный характер.

– Как ты здесь оказалась? – потребовал Марк ответа. Подавив смешок, девушка ответила:

– Так же как и ты, заключив контракт.

Марк покосился на пилота и штурмана, с интересом наблюдавших за ними. Взял девушку за локоть и бесцеремонно повлек подальше от любопытных глаз, в технический тупичок бокового коридора. Убедившись, что они одни, он отпустил локоть девушки. Та, лишь поморщилась, ничего не сказав. Марк сложил руки на груди и облокотился о стену:

– Что-то с трудом верится, что все так просто.

Девушка вспыхнула и потупила взгляд:

– По-твоему, мне нечем заняться, кроме того, чтобы преследовать тебя?

– Я надеялся, это не так, но, по-видимому, напрасно, – с тоской произнес он.

– Марк, все знают, что у «Красных волков» хорошо платят. Ваш флот стоял в доках, я попробовала наняться, и мне повезло, вот и все. Для меня самой встреча с тобой неожиданность. – Она подошла ближе и протянула руку, чтобы погладить его по лицу, но он не дал ей это сделать, перехватив за запястье и оттолкнув.

– Не сказал бы, что приятная неожиданность. И ты, конечно же, не знала, как называется корабль, на который ты нанималась, – раздраженно возразил Марк.

– Ты ведь больше не капитан «Индиго», тебя повысили, я не ошиблась? – Быстрым движением она поправила его воротник и убрала руку до того как он попытался ее поймать.

– Ты ошиблась, все осталось по-прежнему, – мрачно ответил он, отодвигаясь от девушки. Та лишь усмехнулась, видя его маневр.

– В таком случае, что ты делаешь здесь, на «Метели»? – удивилась она.

– Это тебя не касается, советую держаться от меня как можно дальше! – он, было, развернулся, чтобы уйти, но она преградила ему путь.

– Марк, – она сделала новую попытку дотронуться до его лица, и он снова не дал ей это сделать, увернувшись. Она опутывала своими короткими быстрыми касаниями, будто пленала, сковывала, заставляла подчиниться. А ведь рань-

ше он не замечал этой ее навязчивой прилипчивости. Точнее замечал, но считал проявлением заботы и нежности. Сейчас в движениях не чувствовалось ни того ни другого. Ее постоянные попытки использовать свое давнее оружие только сильнее раздражали. Она это наконец-то поняла: – Ты все никак не забудешь то маленькое недоразумение? – Сарита построила грустную рожицу.

– Маленькое?! – Марк задохнулся от возмущения, но тут же понял, что сказано было специально, чтобы вывести его из себя. – Я все сказал тебе еще тогда! – резко ответил он, – оставь меня в покое, пожалуйста! Я не хочу ни видеть тебя, ни разговаривать с тобой, – он обошел девушку по максимальной дуге, которую позволяла ширина коридора, и направился к себе.

Оказавшись в своей каюте, он понял, что дико устал – слишком много неожиданностей для одного дня – новая должность, знакомство с Еленой, встреча с Сари. Все в голове перемешалось и отказывалось выстраиваться во что-то связное. Нужно как-то отвлечься. Он начал делать свой обычный гимнастический комплекс, но упражнения были отработаны до автоматизма, и гимнастика помогла мало. Мысли его кружились вокруг Карен, Елены и Сариты. Ему очень хотелось увидеть Карен, но кто знает, сколько еще времени она будет оставаться холодной Еленой. Раньше коммодор в «плохом настроении» бывала не больше пары дней. Да еще эта чертова Сарита!

Год что он провел с ней, даже не смотря на приятные и спокойные моменты, был самым худшим годом в его жизни. Хуже даже того года, когда умерла мама – то был год смирения. Время, проведенное с Саритой, было годом терпения. А как еще можно реагировать на ежедневные приступы ревности, провокации, обвинения в измене и регулярные истерики? Когда они расстались, он почувствовал гигантское облегчение, словно вскрылся огромный болезненный нарыв, и он начал выздоравливать. Расстались они плохо. Он до сих пор чувствовал себя предателем за то, что подставил Сари, да еще и перед всей командой Индиго. Сарита тут же уволилась, а вместе с ней и ее подруга Ольга, начальник медслужбы Индиго.

Единственная здравая мысль которая пришла Марку – сходить и поговорить с Берковцем. Прошлый раз он здорово помог, может быть, и сейчас он подскажет что-нибудь дельное на счет бывшей подруги. Однако глубокая ночь была слишком неподходящим временем для подобного дела. Марк лег спать и, неожиданно быстро провалился в сон без всяких сновидений.

Утром из сна его вывели прикосновения и поглаживания по спине. Не то чтобы это было неприятно, скорее странно. Его давно уже так никто не будил... Марк вскочил, разом проснувшись:

– Сарита, черт возьми, что ты здесь делаешь?!

– Ну... – протянула девушка, ни капли не смутившись, –

поскольку ты капитан, хоть и бывший, я легко нашла твою каюту. А вчера ты был так занят своими мыслями, что оставил дверь открытой. – Она наклонилась к его уху и промурлыкала: – грех было не воспользоваться такой прекрасной возможностью.

Марк, молча и бесцеремонно, вытолкнул ее в коридор, заблокировал замок и пошел в душ. Прохладная вода немного помогла прийти в себя, и он задумался о выходе из сложившейся ситуации. Зная Сариту, вряд ли можно надеяться, что она оставит его в покое. Бывшая подруга имела обыкновение без зазрения совести, использовать для реализации своих целей других людей, обманом, манипуляциями, шантажом... Он с невероятным трудом избавился от ее назойливого внимания тогда и повторения не хотел бы ни за что на свете.

Марк оделся и сел за комм. Какое счастье, что у него теперь есть доступ ко всем информационным файлам флота. Сарита нанялась, скорее всего, медтехом, она хороший спец по медицинским автоматам. Действительно, Вундермахер ее одобрил, и коммодор без возражений согласился.

И как ее убрать от дверей своей каюты? Зная ее, можно быть уверенным, что сама она не уйдет. Пациентов в медотсеке сейчас нет, а работы в полете не особенно много, надеяться на то, что ее ближайшее время хватятся на рабочем месте глупо. Однако у него возникла идея – за те три дня, что он был капитаном Метели, ему удалось ближе поознако-

миться с Вундермахером. Тот оказался большим поклонником нарда и был очень рад найти в лице Марка партнера по игре, увлечение которой на «Метели» больше никто не разделял. Возможно, доктор не откажет ему в небольшой просьбе. Марк связался с медотсеком. После формальных приветствий доктор поинтересовался:

– Что-то случилось, мальчик мой?

Марк слегка помедлил, решая как же ему сказать о своей просьбе, и осторожно начал издалека, – доктор, как много сейчас работы у медтехников?

– Костолиц, говори прямо, тебе кого-то надо освободить от работы или наоборот загрузить?

Марк несколько смутился, но раз уж доктор оказался настолько проницательным, он решился сказать прямо:

– Если возможно загрузить работой Сариту Вит, я буду чрезвычайно благодарен!

– Новенькую, значит. А что случилось? – Марк замер, пытаясь сообразить, как объяснить доктору свою странную просьбу. Но доктор опередил его. – Хотя, можешь не говорить, ты заместитель коммодора, и не обязан мне ничего объяснять. А на счет медтех Вит не переживай, придумаю что-нибудь. – Доктор поправил очки на переносице, – но тогда будешь должен мне дополнительную партийку в нарды!

– С удовольствием, – улыбнулся Марк, облегченно вздохнув.

Доктор кивнул и отключился.

Теперь хотя бы можно выйти из каюты, не боясь нарваться на Сари. Она, с ее напором и настойчивостью, рано или поздно добилась бы своего. Ясно, что она не случайно нанялась к «Красным волкам», ей что-то нужно, а в реализации своих стремлений она готова на все. Если сейчас ничего не предпринять, то он не успеет оглянуться, как окажется опутан сетью ее интриг. Ему всегда было сложно ей противостоять, она знала его вдоль и поперек, знала, когда можно надавить, а когда попросить прощения. И если она перегибала, то умела извиниться так, что в итоге чувство вины терзало его, за то, что довел ее до слез. Отношения с ней больше напоминали полет через минное поле – что бы ты ни делал, как бы осторожно не маневрировал, результат был непредсказуемым. Он пробовал цивилизованно расстаться с Сари, но безрезультатно. Мало того, их отношения еще и служили развлечением для команды, что сильно било по самолюбию. В итоге ему пришлось решиться на то, за что он до сих пор был противен сам себе...

Марк выяснил расписание Берковца – на сегодня, тот был свободен, а номер его каюты не изменился. Быстро одевшись, Марк выглянул за дверь – никого нет. Тогда он быстро направился к каюте Майкла. Тот, заспанный, посторонился, выпуская гостя внутрь. Марк без предисловий сообщил:

– Я встретил Сариту.

Майкл тут же встрепенулся, растеряв весь сонный вид:

– Шутишь! Тебе знатно досталось от нее тогда. Думаешь,

она не случайно здесь? – Но видя укоризненный взгляд Марка, поспешил согласиться. – Ну да, глупо предполагать, что Сарита и случайности могут соседствовать. Ну, ты попал...

– Без тебя знаю. Лучше подскажи, что делать, у меня в голове сейчас взрыв сверхновой. – Марк сжал кулаки. —Мне, если честно, хочется ее прибить где-нибудь в уголке потихому, а не играть в игры, выстраивая тактические комбинации.

Берковиц задержал взгляд на Марке и медленно произнес:

– Я никогда не видел тебя таким... злым. Даже тогда. Есть причины?

– Есть. – Коротко ответил Марк. Его действительно сильно злила и расстраивала встреча со своим прошлым. Не из-за того, что Сари плохой человек, нет. Ее тоже можно понять. Просто была еще Карен, которая нравилась, и к которой тянуло, не смотря статусную разницу и проблемы с головой. И хотя он понимал, что ему ничего не светит кроме каких-то дружеских отношений, появление Сари могло легко разрушить надежды даже на это.

Берковец почесал затылок, соображая:

– Сначала нужно выяснить, чего она хочет, потом уже думать, что делать. Или дать ей то, что она хочет или доказать, что этого у тебя нет. Кстати, с чего ты взял, что она намерена возобновить отношения с тобой?

– Она разбудила меня своими ласками.

Майкл завистливо присвистнул, но, глядя на расстроен-

ного друга, добавил:

– Ты сам виноват! Метель – не Индиго, двери нужно, если не запирать, то хотя бы не держать распахнутыми. С другой стороны, может она изменилась и все не так плохо, как ты думаешь.

– Если бы ты ее увидел, ты бы так не говорил. – Марк вывел на экран коммa файл Сариты. – Вот, смотри сам, ее квалификация позволяет работать ассистентом врача. Но она пошла не на Карим, где была такая вакансия, а устроилась медтехом здесь, на Метели.

Майкл задумчиво потеревил гладко выбритый подбородок:

– Наверное, ты прав. Но тебе в любом случае нужно узнать, чего она хочет.

Марк уныло согласился.

Остаток прошлого дня не принес ничего нового. А утром Елена испарилась, будто ее и не было, вернулась Карен и они вдвоем с головой ушли в работу почти до самого вечера. Оказывается, чтобы содержать флот, даже наемный, требуется куча всяких документов – от устава до заключений о состоянии кораблей. Голова Марка трещала от обилия информации, и Карен отпустила его до завтра. Марк шел к себе и недалеко от каюты столкнулся с Саритой. Это не было для него неожиданностью. Он ждал ее, помня о том, что неплохо бы узнать ее намерения, потому не стал ее игнорировать и остановился.

– Что тебе нужно?

– А разве это не очевидно? – произнесла девушка, положив руки ему на плечи. Ее движения были мягкими и вкрадчивыми, а ладони теплыми. Марк, сдерживая раздражение, снял ее руки с себя и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Я ведь давно дал тебе понять, что продолжение наших отношений невозможно. Не заставляй меня думать, что твоя непонятливость – следствие твоей тупости. Давай начистоту, что тебе нужно?

Сарита отвела взгляд и опустила глаза:

– Марк, я выразилась предельно конкретно, мне нужен ты, неужели все, что между нами было, для тебя совсем ничего не значит, – она мягко обошла Марка слева и провела пальцем по его плечу до локтя, убрав руку до того, как он попытался сбросить ее резким движением.

– То, что между нами было, я хочу забыть, как страшный сон! – огрызнулся он.

– Милый, неужели все было настолько плохо, – мурлыкала Сарита, медленно обходя его с другой стороны.

– Все могло бы быть очень хорошо, если бы ты сама все не испортила, а теперь нет смысла об этом говорить...

Сарита наконец перестала двигаться, остановилась и поглядела в глаза Марку.

– Твоему ребенку нужен отец...

Время как будто замерло на пару мгновений. Марк решил, что, ослышался:

– Что ты сказала?

– То, что слышал, но, если у тебя проблемы со слухом, я могу повторить. Твоему ребенку нужен отец, – спокойно глядя ему в глаза, проговорила она.

По мере того, как смысл слов, сказанных девушкой, доходил до него, внутри все сильнее сжимался тугой комком отчаяния. Не то, чтобы он был против детей в принципе, наоборот, очень даже за. Но в нормальных обстоятельствах и детей запланированных. Кроме того, Сари уже обманывала его, прикидываясь беременной и шантажируя этим состоянием. Сари повторяется. Но что если это правда? Что, если тогда она действительно была беременна и обманула Ольгу, свою подругу, что не беременна и обманывает его. Марк уже окончательно запутался. Он успел забыть, что рядом с Сари это было его обычным состоянием. Он сложил руки на груди и облокотился о стену, стараясь не показать своего смутения и того, что он еле держится на ногах. Марк прикрылся иронией.

– Вот как? Докажи сначала!

– Легко, – улыбнулась девушка, мягким быстрым движением заправив ему выбившуюся прядь волос за ухо. – Прямо здесь и сейчас, посреди коридора? – промурлыкала она ему на ухо, как довольная кошка. – Или мы встретимся у меня или у тебя... в более интимной обстановке?

– Хорошо, мы встретимся, я сам свяжусь с тобой.

– Я буду ждать с нетерпением, надеюсь, что наша встреча

будет приятна нам обоим, – проворковала она, легким движением погладив его по лицу и убрав руку прежде, чем он ее поймал. Затем она развернулась и ушла, а Марк так и остался стоять, прислонившись к стене и рискуя рухнуть, лишившись опоры.

Самый настоящий домашний марс. Он даже про Елену забыл с такими-то новостями. И ведь не разберешь, правду Сарри говорит или нет.

Его способности эмпата молчали. Слишком много времени прошло с их последней встречи, чтобы можно было калибровать правду и ложь. Кроме того, с Саритой и раньше было очень сложно. Если она лгала, то умела искренне верить в свою ложь, отчего ее запросто можно было принять за правду.

Хорошенький денек сегодня, ничего не скажешь. Сначала коммодор загрузила под завязку, но это хотя бы было приятно и интересно, хоть и чревато головной болью, а потом Сарита сразила наповал.

Марк вернулся к себе в каюту, а через пару минут в дверь постучали. Он открыл дверь и посторонился, впуская Берковца. Увидев друга мрачнее тучи, Майкл поинтересовался:

– Сарита сделала первый ход?

– Еще какой! Сразу в нокаут. – С этими словами Марк тяжело опустился в кресло. – Она утверждает, что у нее от меня ребенок, – устало выговорил Марк, закрыв глаза и откинув голову на спинку.

– Ну ни хрена себе! Думаешь, это правда? – уточнил Берковец.

– Не могу сказать, – мрачно ответил Марк, не открывая глаз и не меняя позы – она говорит, что может легко доказать, что это мой ребенок, и хочет встретиться, как она выразилась, в «интимной обстановке»...

– Придется встретиться. По-другому никак. Можно, конечно ее подкараулить и... А ты уверен, что не хочешь к ней вернуться? Она красивая... – мечтательно произнес Майкл.

– Стервозная, ты хотел сказать. – Марк открыл глаза и вернулся в реальность. – Нет, я слишком хорошо еще помню все, что было. Ни за что не хочу повторения.

– Тогда выведи ее из себя. Она в таком состоянии туго соображает, ты же знаешь. Нахами ей, посмейся над ней. Заодно выясни, во-первых, где этот ребенок, во-вторых, что там у нее за доказательства, в-третьих, пусть докажет подлинность своих доказательств.

Марк сидел в своей каюте за коммом, обложившись медицинскими справочниками. Ему в голову пришла идея, однако для ее реализации не хватало информации. К счастью, электронная библиотека «Метели» была полна самых разных книг – от древней художественной классики до последних монографий в области психологических проблем домашних питомцев. В литературе, интересовавшей его, недостатка не было. Идея Майкла вывести Сариту из себя была

хороша, но Марк решил проверить еще один момент, самый очевидный, а потому и не пришедший никому из них в голову.

Он отправил Сари сообщение, где назначил ей встречу через час после корабельного отбоя. Девушка пришла в своей униформе медтехника – туника и свободные штаны. Она с порога попыталась начать говорить, но Марк не дал ей это сделать, приложив палец к губам и сделав знак молчать. Ее глаза удивленно расширились, но она подчинилась. Марк молча разглядывал ее, а она ждала, что будет дальше. Марк провел рукой по ее волосам, перешел на плечи. Провел пальцем по ключицам, слегка оттянул ворот ее туники – она глубоко вздохнула. По-прежнему молча, он обнял ее за талию и прижал к себе. Сарита снова попыталась заговорить, но он, снова сделав знак молчать, покачал головой. Провел руками по ее спине, затем его руки забрались под тунику. Он аккуратно стянул ее с девушки и мягко, но настойчиво увлек ее в сторону кровати.

Сарита лежала с закрытыми глазами, отдаваясь его прикосновениям. Марк же сосредоточенно изучал ее тело. Чтобы оживить в памяти воспоминания о нем в прошлом, он также закрыл глаза – да, разница от ощущений ее тела тогда и сейчас есть. Внешне почти незаметно, а вот тактильный рисунок изменился – бедра шире, в талии несколько раздалась, живот чуть более мягкий, кожа чуть более рыхлая, форма груди также изменилась, как и ее упругость. Едва види-

мые, но хорошо ощущаемые растяжки по внутренней стороне бедра, вдоль икр не до конца ушедшие следы варикоза. Да, она действительно была беременна. И, если верить книгам и справочникам, которые Марк штудировал все утро, роды были около года назад.

Узнав все, что ему было необходимо, Марк оставил девушку и встал в свою любимую позу: сложив руки на груди и облокотившись о стену.

– В том, что ты рожала, сомнений нет, – заметил он. – Однако рожала ты около года назад, солнышко! Но даже если предположить, что твой прошлый финт с беременностью не был финтом, все равно по срокам не дотягивает.

Сарита резко открыла глаза и с ненавистью бросилась на Марка. Тот мгновенно среагировал, поймав ее занесенные для удара руки и отбросив девушку от себя. Та упала на пол, но подниматься не стала.

– Сволочь ты, Костолиц! – гневно высказалась она. – Это твой ребенок! – Она бросила в него миниатюрной цифровой рамкой с фотографией ребенка, целясь в голову. Марк ловко поймал ее, на него глядел голубоглазый черноволосый карапуз.

– Какой прелестный малыш! Я возьму себе на память, – спокойно ответил он, глядя на нее сверху. – Только вот, прелесть моя, что-то не похож он на меня...

– Зато на меня похож, – с раздражением парировала девушка.

– Ах, ну да, кто бы сомневался! И где же он сейчас, не таскаешь же ты его с собой?

– У мамы, – глухо проговорила девушка, глядя в пол.

– Ну конечно, как же я не подумал, – продолжал издеваться Марк. – А как же ты докажешь, что это мой ребенок? – вкрадчиво поинтересовался он.

– А результаты ДНК-сканирования не достаточное доказательство? – с вызовом ответила Сарита, глядя на него снизу. Марк рассмеялся:

– Безусловно! Если сумеешь доказать их подлинность, – шепнул он ей на ухо, наклонившись. – Или отдашь мне оригинал, чтобы я мог сделать это сам, не утруждая тебя такой дорогостоящей формальностью. – Сарита промолчала, Марк продолжил: – Тебе есть еще что сказать?

Девушка, ничего не ответив, встала, подобрала тунику, надела ее и выбежала из каюты.

Марк тяжело опустился в кресло. Вот и разобрались. Только легче от этого не стало, наоборот, он снова чувствовал себя последним мерзавцем. Он втайне надеялся, что ошибается, что Сари изменилась и начала говорить правду. Но нет, чуда не случилось. А на неправду, да еще такую откровенную, у него давно уже стойкая аллергия. Понятно, что все вокруг лгут, да и сам он далеко не ангел, но обманывать того, кто тебе доверяет, того, кого любишь – это предательство. Они с Сари квиты, но это дорого стоило.

Нужно сходить и поговорить с ней уже спокойно. Может

быть, теперь она в состоянии объективно оценивать реальность. Видеть Сари ему совершенно не хотелось, но если все оставить как есть, оно не даст ему покоя, будет мучить. Да и Сари наверняка чувствует себя не лучшим образом. Он решительно вышел.

Номер каюты девушки он запомнил, когда изучал файлы с ее личным делом. Постучав, ответа он не получил. Дверь была заперта, но он без зазрения совести открыл ее универсальным ключом и вошел. Сарита сидела на полу в самом дальнем углу и тихо плакала. Он подошел и опустился на пол рядом с ней.

– Что, пришел полюбоваться на результат? – всхлипывая, поинтересовалась она.

Марк, ничего не ответив, достал платок, взял ее за подбородок и стал вытирать слезы. Она сначала вяло отмахивалась, потом разозлившись, стала отбиваться от него в полную силу. В ход пошли кулачки и ногти:

– Уйди, гад! Сволочь! Подонок, ненавижу тебя! – говорила она, сопровождая каждое свое слово ударом или пощечиной. Ее карие глаза метали молнии, волосы растрепались, а лицо покраснелось. Но такая, в неподдельном негодовании, она была гораздо привлекательней, чем мнимо безмятежная.

Марк, молча, терпел, прикрываясь рукой лишь когда она метила в глаза. Ее взрыв агрессии закончился также внезапно, как и начался. Сарита успокоилась, устало вздохнула

и села обняв колени. Но больше не плакала. Помолчав еще немного, вытерев остатки слез, поглядев на себя в невесть откуда взявшееся зеркальце, уже спокойно спросила:

– Чего тебе надо?

– Поговорить пришел.

– Уже поговорили, я все поняла, – сказала она, комкая в руках его платок и промокая им подтекшую косметику. – Но ты же знаешь, я не могла не попытаться еще раз. Все так удачно складывалось, я так все хорошо рассчитала. Не понимаю, где я ошиблась...

– Если бы мне не помогали, у тебя бы все получилось. – Марк усмехнулся.

– Так ты не один, – разочарованно протянула она. – Как предсказуемо. Что же ты сразу не сказал?

– Можно подумать, тебя бы это остановило, – съязвил он.

– Нет, конечно, – усмехнулась она. – Ну и чем она лучше меня?

– Хотя бы тем, что не способен забеременеть.

Глаза девушки в ужасе расширились и Марк расхохотался. Поняв всю глупость своей догадки, Сарита фыркнула в кулачок и тоже рассмеялась. Марк неожиданно оборвал смех и спросил:

– Зачем ты так со мной? И тогда и сейчас.

– Ты дурак, Костолиц! Неужели не понятно? Я так боялась тебя потерять, что перегнула слегка, – Вздохнула она, спрятав лицо в коленях и за разметавшимися волосами.

– Слегка? – поднял бровь Марк, – дикая ревность, постоянные подставы, проверки и провокации, это ты называешь «слегка»?

– Ты всегда был честным, аж до тошноты, но мне казалось, что это не настоящий ты, что это ты так виртуозно врешь. Я все время пыталась подловить тебя на обмане. – Марк, укоризненно покачал головой, Сарита криво улыбнулась в ответ: – Знаешь, я потом только поняла что твоя честность это не игра, а поняв это, не смогла поверить, что вы с Берковцем все подстроили.

– У меня не было другого выхода, я просто устал.

– Я понимаю. – Она взяла Марка за руку, но тот мягко высвободился, – я надеялась, что если сейчас у меня все получится, можно будет начать с начала, а ребенок привяжет тебя ко мне.

– А тебе не кажется, что начинать заново с вранья, не лучшая идея? – скептически заметил он.

– Прости, Марк. – Она обхватила его руку, уткнулась в плечо и снова заплакала. Он подождал, пока она успокоится и вернул ей рамку с фотографией.

– Малыш у тебя замечательный. Ты сама или случайно?

– Сама... – она взяла из его рук рамку и прижала к груди.

– Как зовут? – поинтересовался он.

– Марк.

– А его настоящий отец?

– Донорский банк на Зеде. – Вздохнула она, глядя на фото

ребенка. На ее губах заиграла легкая улыбка. Сари нежно погладила изображение, и у Марка защемило в груди – она была искренна, как никогда. – Я выбирала донора похожего на тебя, а сын получился похож на меня.

– Сари, ты совсем не изменилась! – грустно заключил Марк.

– Я все еще люблю тебя. Может, попробуем начать заново, – жалобно проговорила она. От искренности Сари не осталось и следа, и Марк тут же постарался отгородиться от ее эмоций. – Я очень постараюсь быть другой, пожалуйста!

Он в ответ лишь отрицательно покачал головой.

– Не хочу Сари, твоя любовь больно ранит. – Он глубоко вздохнул. Говорить правду было больно, каково было ее слышать?.. – У нас слишком разные понятия о том, что значит любить и быть любимым.

– Да что ты знаешь о любви! – возмутилась, было, она, но встретившись с осуждающим взглядом Марка, тут же прикусила язычок и замолчала. Она сидела какое-то время, покусывая ноготь на указательном пальце, будто обдумывая что-то. Потом снова заговорила: – Марк... – ее глаза снова наполнились слезами. Одно из ее самых главных орудий, против которого у него давно уже есть иммунитет. Они казались искренними, но Марк сомневался в том, что они были таковыми на самом деле. Он не дал ей продолжить:

– Забудь о прошлом, у тебя замечательный сын, ты отлич-

но выглядишь, а если хотя бы на половину меньше станешь врать, одна не останешься. Оглянись вокруг, это же наемный флот, здесь полно одиноких мужчин. Да тебе стоит только бедром качнуть, они закружатся вокруг тебя как истребители, а тебе останется только выбрать.

– Мне не нужны другие, мне нужен ты, – обиженно надувшись, она уткнулась в колени.

Марк обреченно закрыл лицо руками и потер его:

– Сари...

Девушка перебила его:

– Я все поняла, я отпускаю тебя, не буду больше пытаться тебя вернуть. – Марк убрал руки от лица, и замер, не в силах что-либо сказать от удивления. Сарита невозмутимо продолжила: – ты сам говорил, что если любишь, то делаешь все, чтобы любимому было хорошо. Если тебе без меня хорошо, так тому и быть!

Марк сузил глаза в приступе подозрительности:

– Но ты же врешь... опять!

– Да! – Сари скорчила скорбную рожицу. – Про бескорыстную любовь. Но я действительно оставлю тебя в покое, можешь не волноваться. Только сделай так, чтобы я пересеклась с тобой как можно меньше. Я не смогу выплатить ту гигантскую неустойку, если разорву контракт с «Волками» сейчас.

– Можно попробовать договориться перевести тебя на «Карим», вроде там еще не закрыта вакансия ассистен-

та врача, – согласился Марк, поднимаясь с пола и помогая встать девушке.

– Как скажешь. Я рада, что мы поговорили. – Она задержала свою руку в его, обхватив ладошками, но Марк тряхнул кистью, сбрасывая ее руки:

– Мне пора.

Возвращаясь от Сариты, он столкнулся с Карен.

– Бурная ночь? – поинтересовалась она откровенно рассматривая царапины и синяки на его лице.

Марк смутился, но ответил:

– Нет, бурное прошлое.

– Сходите в медотсек, обработайте.

Марк кивнул, но подумал, что медотсек теперь постарается обходить через другое крыло.

Костолиц ушел, а Карен смотрела ему в след. Отметины на его лице – мелкие царапины, небольшие синяки, такие могла бы оставить женщина. Но он не выглядел несчастным, скорее умиротворенным. Вернувшись к себе, она первым делом проверила посты, где отметился Костолиц: он ходил в жилой отсек. Значит, правда женщина. Ну и хорошо! Но почему-то не чувствовала этого самого хорошо. Наоборот было немного обидно и даже завидно.

Глава 5

Снова работа с документами. Увы, без них никуда – контракты и поставщики, инспекция по пожарной и психологической безопасности, всевозможные номенклатуры дел и журналы – везде нужна была подпись или виза commodora. Ну, или теперь Костолица, как ее заместителя. Кажется, тот шокирован объемом всевозможной канцелярщины.

– До сих пор думаете, что commodору большую часть времени нечем заняться? – усмехнулась Карен.

Марк отрицательно помотал головой:

– Я вовсе так не думал, но я даже не мог представить, что всех этих документов такое дикое количество.

– Не пугайтесь, все гораздо лучше, чем кажется. Все, что касается медотсека, стезя Вунедермахера – наличие медикаментов, порядок в службе, всякие журналы и расписания – на нем. От меня зависит лишь согласие или отказ в ремонте оборудования или покупке нового и одобрение или неодобрение кандидата на вакансию. Все, что касается денег – работа финансистов: сметы, баланс между прибылью и расходами, кратковременные и длинные вложения денег. Ну а я пускаю пыль в глаза всевозможным комиссиям...

На экране кома поверх документов вдруг появилась картинка с красивой обнаженной женщиной в откровенной позе. Внизу виднелся узкий индикатор хода какого-то процес-

са – белая полоса, медленно, но верно заполняющаяся синевой. Глаза Карен расширились в немом удивлении, она быстро набрала код по комму и сердито заговорила:

– Сталески, я хочу тебя видеть лично! Сейчас!

Через пару минут в дверь каюты тихонько постучали, Карен распахнула дверь и за грудки втащила внутрь худого, нескладного огненно рыжего мужчину – главного кибер-инженера Микаша Сталески.

– Я же просила заранее предупреждать меня о вмешательствах в систему!

– Я и предупредил. Позавчера. Ты сама дала добро. – Невозмутимо ответил инженер, причесывая длинными тонкими пальцами растрепанную шевелюру и приводя в порядок одежду, которая болталась на нем как на вешалке. – Минут через десять система обновится и все вернется на свои места.

Половина «позавчера» зияла в памяти пустотой провала, так что вполне возможно, все было так, как сказал Сталески. Карен тут же смягчила тон:

– Хорошо. Но вот эту вот порнографию, – она кивнула на экран, – убери!

– Это не порнография, это эротика. Хотя да, я не подумал, что тебе понравится немного другое. – Быстрое касание клавиши наручного комма, и девушка на экране сменилась мускулистым красавцем, томно возлежащим в достаточно неприличной позе. Карен возмутилась:

– Микаш! – Тот вздрогнул, снова коснулся комма, и картинка исчезла, остался нейтральный серый фон и синева, заполняющая собой индикатор хода процесса. Вдруг синева встала, перестав двигаться. Сталески нахмурился и подозрительно уставился на экран. Его внимательный взгляд никак не повлиял на непослушный процесс, синева осталась там же где и была полминуты назад. Инженер поколдовал над коммом и почесал нос. – Что-то случилось? – спросила Карен

– Случилось. – Сталески развернулся и, не прощаясь, выбежал из каюты. Картинка на экране вновь сменилась на томного красавца, а синева сдвинулась с места и поползла к концу.

– Вот подлец!

Карен вздохнула, повернула кресло спинкой к монитору и забралась в него с ногами, сбросив обувь. Марк расположился в кресле напротив. Небольшой инцидент совершенно расстроил рабочий лад, кроме того, все равно документы будут недоступны еще какое-то время. Костолиц, хоть и кажется невозмутимым, наверняка удивлен ее отношениями со Сталески. И чтобы не плодить в голове капитана ненужные вопросы сама тронула эту тему:

– Вы в киберсистемах хоть что-то понимаете? – Спросила она Марка. Тот отрицательно покачал головой. – И я не понимаю, – вздохнула она. – Сталески одаренный киберинженер. И если он просит какую-нибудь дорожную плату, я ее покупаю. И точно знаю, что благодаря ему мои каналы связи

надежно зашифрованы, а шансы взломать мои корабли ничтожны. И пока все работает как должно, я не возражаю против его развлечений. Барон Иден, между прочим, за поимку его живого предлагает крупную сумму. Я прячу Сталески, а он работает на меня. Вы видели, он довольно своеобразный человек, но я пока ни разу не пожалела о сделке с ним. Думаю, он тоже.

Костолиц усмехнулся, бросив взгляд на экран комма. Видимо, картинка пока оставалась на месте. Повисла долгая пауза и Карен решилась спросить о том, о чем строила догадки со вчерашнего вечера. Злилась на себя, ругала себя, уговаривала себя, но никак не могла выкинуть из головы:

– Не хотите рассказать, что вчера приключилось с вашим лицом?

– Побочный эффект решения одной небольшой проблемы, – спокойно ответил капитан так, будто она спросила, хорошо ли он позавтракал.

– А вашу проблему случайно не Саритой Вит зовут? Вундермахер просит перевести ее на Карим. Насколько я понимаю, вы поспособствовали ее повышению. Не рановато вы начали использовать свое положение для личных нужд? – Карен и сама удивилась раздражению в своем голосе: ей же должно быть все равно с кем и как капитан проводит время. Должно. Но было не все равно.

– Я ничего не использовал для личных нужд. Мы давно расстались с Сари. Я просто искал возможность не делать

друг другу больно. Проще всего было бы оплатить неустойку по ее разорванному контракту, но мне не хотелось, чтобы из-за меня она лишилась работы. Я лишь спросил Вундермахера о возможности перевода. Он сам сделал выводы и проявил инициативу.

Надо же, как благородно! Говорят: «хочешь знать, как будет к тебе относиться мужчина, посмотри, как он относится к своей бывшей». А где ее бывшие? Что в ней не так, если те, кого она считала своими близкими, отношения с кем старалась беречь, предали ее? Первый через два месяца решил, что они не подходят друг другу. Бывает. Но не nasledующий день после клятвенных заверений в любви и преданности. Со вторым она провела почти идеальные полгода – он ничего не просил, только отдавал – тепло, защищенность, понимание. А потом он взял и исчез, ни сообщения, ни намек, ничего. Она долго приходила в себя после этого. Скоро уже год, как он пропал, но она до сих пор вспоминала и тосковала. А эта... расцарапала Костолица, а он заботится о том, чтобы она работу не потеряла. Почему так везет той, которая это совершенно не ценит и так не везет ей самой?..

Марк бросил взгляд поверх ее головы и подавил вздох. Карен оглянулась – картинка, наконец, исчезла с экрана, и снова появились документы в том виде, в каком они были до этого. Можно снова работать.

Судя по явно расстроенному виду капитана, документы это вовсе не то, на что он рассчитывал, принимая ее предло-

жение. Собственно так и есть.

– Давайте так: вы займетесь текучкой и в процессе как раз разберетесь с файлами, которые к ней относятся, – предложила Карен. – Заодно проверим, как вы потом справитесь в мое отсутствие.

– Вы собираетесь оставить флот на меня? А не боитесь, что я скроюсь с ним в неизвестном направлении?

Какой интересный вопрос! Но судя по хитрой улыбке, капитан просто развлекается. Хорошо, почему бы и не развлечься:

– Можете рискнуть. Но, во-первых, у вас не хватит денег даже на его суточное содержание, не говоря уже о лирии. А без лирия вы долетите разве что до границ системы. Хотя... если вы продадите свой фрегат, то месяцок протяните. А во-вторых, я боюсь, вы не учитываете, что флот это не только люди и корабли, это и поставщики, и договора с верфями о ремонте и обслуживании, и регулярные отчеты в штаб Альянса. А судя по вашей реакции на небольшой ворох внутренней документации, я думаю, вы не захотите связываться еще и с внешней.

Костолиц только дернул головой, откинув челку со лба, и сменил тему:

– Что случилось и как долго вас не будет?

Так быстро наигрался? Жаль...

– Ничего не случилось, просто очередной анонимный контракт. – Она не стала добавлять, что от него нельзя отка-

заться. – Меня не будет всего месяц. Думаю, вы справитесь.

– А обязательно этим делом заниматься именно вам?

– Нет, но ни Дэни, ни Эд для подобного дела не годятся.

– А меня вы не рассматриваете в качестве исполнителя?

Карен долго думала, потом тихо ответила:

– Отправить вас – неплохая мысль, но мне надо подумать.

Позже поговорим.

Выпроводив Марка, она поинтересовалась у Рой:

– Кроме интуиции у тебя есть веские основания считать, что Костолиц ненадежен?

– Нет, – ответила та, пристально разглядывая свои ногти.

Карен вздохнула:

– Я не могу опираться на интуицию, если есть факты.

А факты говорят, что он чист. Дважды – и по данным СБ Тарона и по базам Альянса. Думаешь, он справится?

– Да. Он станционник, и знает работу станции изнутри гораздо лучше вас. Он может увидеть то, мимо чего вы прошли бы.

Сегодня они ненадолго останавливались на Клевере, одной из трех станций принадлежащих империи Тарон. Избавились от части груза и получили деньги. Еще три дня – и дома. А Марк отправится на станцию Ирис, разбираться с тем нехорошим делом. Да, так лучше. Он не будет маячить перед глазами и, возможно, она успокоит свои чувства. Все-таки сейчас это гораздо больше, чем банальная симпатия. В про-

тивном случае ей было бы все равно, что у него с лицом и чем он занимается по ночам.

А красивая у него бывшая – высокая, черноволосая и специалист неплохой, судя по ее личному файлу. Она подписала ее перевод на Карим, чем почему-то обрадовала Вундермахера, тот аж светился. И как они с Костолицем нашли общий язык, если даже Монкриф и Адамс стараются с доктором не связываться? То ли Марк такой открытый сам по себе, то ли он все очень хорошо просчитывает. В последнее ей верить не хотелось, хотя с его лисьим прищуром и странными высказываниями, он иногда выглядел как плут. Был ли он им на самом деле? Судя по тому, что о нем говорили другие – не был.

Коммодор устроила Марку маленькое испытание – предоставила самому себе на несколько дней. Правда, все равно пришлось несколько раз ее беспокоить вопросами, которые могла решить только она.

Но вроде бы он справился – Монкриф помог, да и Адамс с Вундермахером кое-что подсказали. А ночью была учебная тревога. Но вроде все кто должен был, находились на своих местах, все, что необходимо, было в рабочем состоянии. Контрольное время реагирования на ситуацию выдержано верно. Рэджи не высказала никаких замечаний. Потому что действительно не нашла к чему придраться или готовит нагоняй позже?

Пискнул комм – сообщение от Карен:

– Я приняла решение, капитан, зайдите ко мне.

Дверь в каюту Рэджи была распахнута и Марк вошел. Карен, кажется, вообще не обратила на него никакого внимания. В штанах и форменной футболке, спрятав руки в карманах, она мерила шагами каюту – семь шагов от двери до иллюминатора, резкий поворот, семь шагов обратно и все сначала – внося ритмичную ноту своих движений в постоянный низкий гул двигателей корабля. Волосы немного растрепались, и она то и дело резким движением головы откидывала непослушные пряди.

Он не мог понять ее состояния – какая-то взрывная смесь волнения, беспокойства, вкупе с решительностью и, возможно даже, с капелькой злости. Чтобы не задевать ее лишний раз своим ростом Марк сел в кресло, аккуратно свернув и сложив на ручке ее небрежно брошенный форменный китель. Он, волнуясь, гадал, что случилось, и перебирал в памяти ситуации, в которых мог ошибиться настолько, что коммодор сама не своя. Но ничего такого в своих действиях, что могло так взбудоражить коммодора, не нашел. Похоже, дело было не в нем, а в чем-то другом. Он постарался отгородиться от ее эмоций и успокоиться, может тогда и она придет в себя. Карен внезапно остановилась и повернулась к нему:

– По прилету на Тарон вы сразу садитесь на скоростной катер и летите на станцию Ирис. – Голос ее звучал резко и су-

хо. – Санитарной службой Ириса арестован пилот катера-курьера, который вез важный груз. Задача: по-тихому вызволить пилота и проследить, чтобы с грузом все было в порядке. По-тихому – это не привлекая внимания официальных структур. То есть, действовать можно как угодно, главное чтобы у службы безопасности станции не было оснований вас в чем-то обвинить. Полторы недели туда, полторы назад и три-четыре дня на решение вопроса. Про характер груза ничего не сообщается, и мне довольно прозрачно намекнули, что это не мое дело. Ну и черт с ним. В общем, вытаскивайте курьера и груз, отправьте их дальше по назначению и возвращайтесь. Чем скорее, тем лучше.

Карен резко выдохнула и присела на край стола.

– Ясно. Звучит не особенно сложно.

– Угу. Но учитывая, что заказчик не хочет распространяться о том, что именно везет курьер, боюсь, арест пилота лишь отвлекающий маневр для того, чтобы что-то сделать с грузом – испортить, похитить, подменить. Поэтому готовьтесь к неожиданностям. Вот возьмите, – Карен протянула ему мемори-чип, – здесь несколько программ, которые могут пригодиться. И зайдите к Сталески, у него для вас кое-что есть.

Марк взял протянутую плашку в металлическом корпусе – нагретая теплом ее рук она была почти горячая. Сколько же ее нужно было держать, чтобы так нагреть?..

– Я понял. Это все?

Карен кивнула. Марк решил, что ее непонятное состояние вызвано боязнью того, что он не справится с этим делом. Может быть, именно по этой причине она так многословно и подробно постаралась разъяснить ему все и тем самым облегчить задачу. Внести, так сказать, посильный вклад в успех выполнения его задания. Он попробовал обнадежить ее словами:

– Я родился и вырос на станции, я знаю, как там все устроено. Не переживайте, я все сделаю как надо.

Возможно, его собственное спокойствие сделало свое дело, возможно, ему удалось ее убедить, Карен перестала ходить кругами и нервно вздергивать подбородок. И голос ее стал звучать мягче.

– Где вы этому научились? – вопрос поставил его в тупик так явно, что Карен пояснила: – Когда вы пришли, я была слегка не в себе, а сейчас чувствую себя гораздо лучше, вы как-то передали мне свое спокойствие.

– Не понимаю, о чем вы, – совершенно откровенно недоумевал Марк.

Она встала и медленно прошла по каюте. И Марк поразился тому, как легко и быстро она перешла от тревожного смятения к почти полному покою, минуя промежуточные состояния.

– Похоже, вы интуитивно-бессознательный психоменталист! – проговорила она, присев на ручку кресла, в котором он сидел.

Марк замер на мгновение – она оказалась так близко от него, достаточно поднять руку, чтобы дотронуться до гладкой кожи предплечья... Он немного позавидовал, что она без кителя, он бы с удовольствием избавился от своего, слишком жарко вдруг стало.

– Никогда целенаправленно не интересовался психоменталистикой и всем, что с ней связано, – ответил Марк, – но мне интересно, откуда вы так хорошо в этом разбираетесь?

Карен криво улыбнулась и снова встала. Мак подавил вздох облегчения – на расстоянии от нее он чувствовал себя спокойней. Но она прошла совсем рядом. Раз. Еще раз.

– Я нахватаюсь от Ветра, психоменталиста, который работал с моими провалами в памяти.

Ее хождение теперь было совсем другим – по дуге вокруг него, мягкое и плавное. Она будто привязала его взгляд к себе, он никак не мог оторваться...

– Ветер – странное имя.

– Это прозвище. Он хейдаганец и об его настоящее имя можно сломать язык.

– Ого! – Марк действительно удивился, и эта сильная эмоция вдруг вернула его в обычное состояние. Наваждение, навешенное размеренным хождением Карен вокруг него, рассеялось. – И как же он оказался на Тароне?

– Я знаю только то, что у нас он нашел политическое убежище. Свои же несколько раз пытались его убить. И я даже

не знаю за что.

– Странные эти хейдаганцы. Они даже людьми себя отказываются называть, хотя особо ничем от нас не отличаются. Интересно было бы с ним познакомиться, – задумчиво озвучил Марк.

– Я могу это устроить! – Карен засмеялась, остановившись напротив него.

– Вряд ли получится, я не буду спускаться на планету ради этого.

– Почему? – искренне удивилась Карен. Марк поморщился:

– Кожа у меня непривычная к ультрафиолету и солнце меня в момент обожжет, еще там всюду грязь. – Он не смог сдержать неприятия и передернулся. – И небо. Мне все время кажется, я в него падаю, или оно на меня.... У меня кружится голова, и я... теряюсь, – выдавил Марк, сделавшись белым как бумага. Карен подалась вперед, внимательно всматриваясь в его лицо, затем резко выпрямилась:

– Фобия! – уверенно констатировала она.

– Как и у многих тех, кто родился и вырос на станции, – пожал плечами Марк.

– А как же быть, если вам придется спускаться на планету по работе? – вкрадчиво поинтересовалась Карен, хитро прищурившись.

Хороший вопрос. Марк старался не вспоминать свой первый и последний визит на планету вскоре после того, как

умерла мама. Когда он вышел из челнока и увидел где-то бесконечно впереди линию разделяющую небо и землю, его вдруг накрыло. Ноги отнялись, он не мог сдвинуться с места, сердце забилося так, что болью отдавалось в висках, руки в момент стали влажные, подкатила тошнота и его скрутило прямо там, на посадочной площадке. Подбежал отец, накрыл с головой одеялом и посоветовал смотреть в землю. Так он и провел всю неделю на планете, уставившись себе под ноги. Небо вдавливало его в землю, как только он пытался поднять голову...

– Это не должно вас волновать, я в любом случае выполню то, что должен.

– Вам точно нужно встретиться с Ветром. Он такие проблемы как у вас, решает за полчаса, а то и быстрее...

Карен перебил писк комма. Сообщение было с мостика, и она включила громкую связь:

– Получен сигнал бедствия в дне пути отсюда. Пассажирский корабль просит помощи.

– Свяжитесь с ними, я сейчас буду.

Карен выскочила из каюты и побежала на мостик. Марк следом за ней. Монкриф и доктор уже маячили на одном из боковых экранов, Адамс тоже был на месте. Лейтенант связи кивнул, когда сигнал с бедствующего корабля стал устойчивым. Возникший на экране человек выглядел напуганным и изрядно помятым.

– Коммодор Рэджи, наемный флот Красные волки. Что

у вас случилось?

– Старший помощник капитана Эдвард Барлоу, пассажирский лайнер Лючия. Два часа назад нас атаковали пираты, корабли охраны уничтожены, капитан погиб, примерно две трети пассажиров захвачены в плен. Есть убитые и раненые. Нападавшие вывели из строя двигатель, выкачали все топливо и скрылись.

– Какие корабли у нападавших и сколько их было? – спросила она.

– Два фрегата и корвет.

– Кто у вас был в охране?

– Фрегат и корвет.

– Почему так мало?

– Лючия – чартер.

– Мы идем на помощь, ждите.

– Не пираты, а... идиоты – подобрал цензурное слово Монкриф, когда Барлоу исчез с экрана, – если они оставили им работающую связь.

– Угу. Я тоже не верю в гуманных пиратов, – согласилась Карен. Она обратилась к лейтенанту связисту: – мы можем сообщить об инциденте на станцию?

– Вышли из зоны связи Клевера пять часов назад. До зоны связи с Тароном около двадцати часов.

– Надо же как «удачно», – язвительно заметила Карен и скомандовала: – Грузовозы и два корвета продолжают следовать курсом на Тарон. Как только окажетесь в зоне свя-

зи, сообщите патрулям о случившемся и передайте им координаты зоны бедствия. — Карен выбрала нужные корабли на экране комма, ввела личный код и приказ отправился по назначению. — А мы все же слетаем, выясним, что там произошло. — Метель в сопровождении двух фрегатов и трех корветов ушел с прежнего курса и направились туда, откуда шел сигнал бедствия. — Сколько до них?

— Девятнадцать часов.

— Мне это не нравится. — Монкриф снова подал голос

— Мне тоже, — согласилась Карен. — Это может быть ловля на живца. А может и не быть. Слишком близко к Тарону.

— Слишком далеко от зон связи, — возразил Монкриф.

— Тоже верно, но мы не можем бросить этих людей, — пробормотала она. Минутку помолчав, отдала приказ: — Истребителям часовая готовность. Медотсек, готовьтесь принимать раненых.

Когда до координат, где случилось нападение, осталось совсем немного. Карен скомандовала:

— Монкриф, возьми два корвета и давай в обход, с тыла. — Капитан отсалютовал, три корабля отделились от остальных и направились в сторону, выполняя приказ. — Истребители минутная готовность!

Через четверть часа показался бедствующий корабль. Лайнером он был лет двадцать назад, сейчас его нельзя было назвать таковым даже с натяжкой, он скорее напоминал ржа-

вую консервную банку. Те, кто согласились лететь на нем — явно самоубийцы. Рядом дрейфовал фрегат с огромной дырой в борту, без признаков жизни с эмблемой какого-то неизвестного ей флота. Недалеко автоматика насчитала около полутора сотен спасательных капсул. А корвет защиты, видимо был просто разнесен в пыль парой прямых попаданий. Других кораблей поблизости приборы не зафиксировали.

Карен связалась с лайнером, чтобы готовили стыковочный шлюз. Два корабля «слиплись» бортами, люди начали переходить с Люции на Метель.

И тут, будто ниоткуда, возникли пиратские корабли. Вот только фрегатов у них было три, а не два, а корветов два, а не один. Расклад, хоть и не критичный, но неприятный. Пираты тут же направились к Метели связанной с лайнером.

Карен отдала приказ выпустить истребители, и пространство вокруг заполнили юркие машины. Объединенные в звенья по пять, они набросились на противника, прикрывая друг друга и ловко уворачиваясь от огня скорострельного малокалиберного оружия пиратских корветов.

Метель, связанный с лайнером, не мог использовать щиты и маневрировать, зато мог стрелять. Но пираты старались держаться вне радиуса поражения его орудий. Все три пиратских фрегата нацелились на Индиго, но стреляли осторожно, стараясь скорее отрезать корабль от остальных, чтобы окружить и захватить.

Чтобы прервать стыковку и вернуться в бой, нужно было несколько минут. Индиго маневрировал, отстреливаясь и стараясь не дать врагам окружить себя. Ему помогали корвет и истребители, отвлекая внимание пиратов. Отделившись от Лючии, Метель укрылся за щитами и ринулся в бой. Первый же его залп почти уничтожил защиту одного из пиратских фрегатов. Пират попытался убраться с линии огня крейсера, но его настиг огонь незаметно появившегося с тыла Карима. Следующий залп Метели превратил вражеский фрегат в мертвый обломок. Остальные пираты предпочли не испытывать судьбу и сбежали с поля боя.

Бой длился не больше получаса, но Карен показалось, что прошла вечность.

Обыск вражеского фрегата показал, что у него повреждены лирийные двигатели и идет массивная утечка радиации, а значит, в качестве трофея корабль не годится – слишком дорого встанет его восстановление и деактивация. Зато удалось очень неплохо пополнить арсенал оружием и боеприпасами. Вундермахер, как ребенок, радовался коробке каких-то ампул, найденной в медотсеке фрегата. Также удалось взять в плен три десятка пиратов. Точнее, они сами сдались, решив, что суд и тюрьма лучше, чем мучительная неизбежная гибель от радиации внутри корабля.

Сталески, покопавшись в системе пиратского корабля, обнаружил, что бортовой журнал хоть и был заблокирован намеренно, записи о маршрутах и остановках все равно велись

в обход блокировки в резервные базы данных. А это значит, что можно вычислить последнего официального владельца фрегата, услышать все разговоры, что велись с кораблем, и проанализировать в каких громких заварушках этот фрегат участвовал. В суде все это будет вескими доказательствами в пользу виновности плененных пиратов.

Спасательные капсулы с людьми были подобраны, а спасенных пассажиров Люции разместили на кораблях ее флота. Ранеными заполнили медотсек. Красные волки снова взяли курс на Тарон.

– Кто здесь главный? – Подошла к Карен заплаканная женщина. – Это вы здесь командуете?

– Да.

– А как же мой муж и другие, кого забрали пираты? Нужно их догнать и спасти остальных людей!

Карен, понимая состояние женщины, постаралась как можно спокойнее ей объяснить:

– Мы не догоним их без лирия. К тому же важнее позаботиться о раненых и тех, кто остался здесь. Патрули уже в курсе случившегося, они допросят пленных пиратов и...

– Но вы должны!

Женщина ее совершенно не слышала, и спокойствие Карен тут же сменилось раздражением, она едва удержалась от резкого ответа – все эти люди решили сэкономить на собственной безопасности, в результате поплатились. И еще не известно, кто кому должен! Она старалась не думать

о том, во сколько обошлась ей эта спасательная операция. Альянс компенсирует треть затрат, но погибших не вернуть...

Азарт, захвативший ее во время боя, сейчас схлынул, сменившись апатией и безразличием. Ей хотелось скорее посидеть где-нибудь в тишине, а не выслушивать претензии и разбираться кто кому чего должен. К счастью, подошел Костолиц:

– Позвольте, я займусь этим.

Карен с облегчением и благодарностью скинула на него заботы о спасенных. Ушла к себе в каюту, свернулась клубком в кресле и вывела на экран коммa список ее людей, погибших в бою – четырнадцать человек. Так мало. И так много. Она просмотрела их личные файлы – у девяти есть родственники. А значит нужно составить девять сообщений с соболезнованиями. Она никогда не пользовалась стандартной формулировкой, где нужно лишь подставить имя. Человек, отдавший свою жизнь за чужие, заслуживает уважения даже в такой мелочи, как письмо о его гибели.

На девять сообщений ушло почти два часа. Карен уснула прямо в кресле. Рой заботливо укрыла ее одеялом и осталась снаружи следить, чтобы ее подопечную никто не беспокоил.

Красные волки прибыли на орбиту Тарона, и вместо Карен снова появилась Елена. Марк уже легко различал их, даже не смотря на то, что Елена вела себя очень похоже на Ка-

рен – говорила как она, реагировала как она, также кусала губу в раздумьях, также размахивала руками и двигалась кругами в недовольстве или смятении. Но даже когда она улыбалась или шутила, он все равно чувствовал холод, сквозивший в ее словах. И именно это убеждало его, что история про двух сестер – правда. Очень разных сестер. К одной его тянуло, другая его отталкивала, вплоть до отвращения. Слишком чужая и непонятная она была.

Марк собирался на задание. Хотя сборами это назвать было сложно, он скорее готовился морально. Вещей было минимум, большая часть багажа – разрешенное оружие и полезная электроника, тщательно замаскированная под безобидную технику для фотовидеосъемки.

Наверное, хорошо, что Карен все же сочла его подходящим для выполнения этого задания. Может, пока он будет занят и вдалеке от нее, он немного успокоится, чувства улягутся и его влюбленность пройдет, так и не развившись во что-то серьезнее легкого насморка. Может, когда вернется, он начнет при виде нее, наконец, думать о работе, а не мечтать о прикосновениях и объятиях.

Костолиц отправился на задание, пленных пиратов сдали СБ Тарона, спасенных людей социальной службе, а Елена, сбросив на Монкрифа все остальные нудные формальности, связанные с прибытием флота домой, поспешила спуститься на Тарон.

Родители ждали ее, соскучившись, и разочаровать их своим невниманием было нельзя. Она вежливо поговорила с отцом, высказав свое нелестное мнение об отношениях Альянса с Амалькарой. Они немного поспорили, но отец ушел довольный. Обстоятельно обсудила последние светские новости и сплетни с мамой, но мыслями была совсем в другой части поместья, рядом с Ветром.

Ветер жил в небольшом доме на берегу пруда, в саду на территории поместья Рэджи. За проведенные здесь годы, с разрешения Рэджи, он преобразил заросли вокруг его жилища в цветущий сад. Сам Ветер говорил, что это лишь жалкое подобие того сада, что был у него дома на Хейде, но на большее в здешних условиях и климате рассчитывать не приходилось. Его устраивала и тишина, и уединенность, и возможность заниматься садом и беспрепятственно выходить в город.

Он был и оставался единственным хейдаганским психоменталистом на планете Тарон. Когда Карен поступила в военную академию, Рэджи подарили ему гостевой дом, в котором он жил, в обмен на то, что они останутся его исключительными клиентами. Ветер согласился и отказался от платы за свои услуги семье Рэджи. Он полностью переделал дом под себя, оброс клиентурой и зарабатывал достаточно, чтобы ни в чем не нуждаться и выбирать степень загруженности работой в тот или иной период времени.

Елена нашла его в любимой беседке, наполовину вдаю-

щейся в пруд. Высокий, статный, с подтянутой фигурой. Длинные очень светлые, почти белые, волосы свободно спадали на спину. Невероятно хорош собой, и со времени первой встречи совершенно не изменился. Она вспомнила, как первый раз увидела его тринадцать лет назад, гуляя в саду. Идеальное лицо, ярко-синие глаза и странные длинные одежды в несколько слоев – он показался ей существом из какого-то запределья. Тогда она еще не умела контролировала доминирование над телом, и они с Карен спонтанно менялись. Она увидела его на короткое время, потеряла сознание, а затем очнулась у него на руках. Чуть позже, она решила, что эта встреча ей почудилась. А потом их официально представили друг другу...

Ветер задумчиво кормил уток крошками. Она в очередной раз попыталась бесшумно подойти к нему, но, как всегда, ей это не удалось:

– Как часто ты занимаешь тело? – строго спросил он ее, не поворачиваясь и не прерывая своего занятия.

– Редко, – виновато ответила Елена, устраиваясь на скамейке. Весеннее солнце еще не успело хорошенько прогреть воздух, в тени беседки от воды веяло прохладой, и Елена взяла из коробки под скамейкой пушистый плед и укуталась в него. После унылых серо-металлических стен она наслаждалась яркостью красок, высотой неба, свежестью ветра, запахами воды и цветов. Ей дико осточертели за эти восемь месяцев одинаковые замкнутые пространства корабля, сте-

рильный воздух и синтетическая еда. Даже периодические выходы на станциях не спасали – яркие витрины и вывески только раздражали своей искусственностью, а немногочисленная живая растительность выглядела нелепо и жалко. – Я знаю, это плохо для меня, но необходимости в моем присутствии не было. И мне не хотелось портить жизнь Карен.

Ветер высыпал остатки крошек в пруд, отряхнул руки и присел с ней рядом:

– Если ты планируешь разделяться, то нужно занимать тело чаще. Ты испортишь жизнь Карен гораздо сильнее, если в результате твоих действий начнется интеграция.

– Я всегда помню об этом, но никаких признаков пока нет.

– Вам обоим довольно долго удавалось существовать раздельно, но ничто не длится вечно. – Он встал и направился к дому, жестом позвав ее за собой. Аккуратно сложив плед на перилах беседки Елена пошла следом за Ветром.

Они расположились среди подушек на полу, за низким столом. Ветер заваривал чай. Елена никогда не понимала, как из такой простой процедуры можно сделать целое действо. Она не любила чай, за исключением того, каким угощал Ветер.

Пока он прогревал чайник и чашки, Елена взяла махонькую плоскую тарелочку с сухим чаем и вдохнула горьковатый терпкий аромат с какой-то свежей ноткой, похожей на цветочную. Как сухие листья могут так пахнуть, что хочется искупаться

в этом аромате? Ветер, глядя на нее, улыбнулся одними глазами.

Он молча протянул руку и она отдала ему плошку. Елена обратила внимание, что чашки – маленькие, тонкостенные с изящным рисунком в виде ветвей с ярко красными то ли листьями, то ли цветами – новые. Возможно, он ждал ее. Уточнять свою догадку она не стала, Вэй почти никогда не разговаривал во время процесса. К тому же ей приятнее было думать именно так.

Пока он был занят, она жадно разглядывала его и не могла наглядеться. Ловила каждое движение, чтобы вызвать потом в памяти, когда снова будет от него бесконечно далеко. Безумно хотелось обнять его, уткнуться в сильную грудь и забыть про все на свете: и про Карен и про ее флот и про то, что скоро снова придется расстаться на целую вечность...

Чай, наконец, был готов и разлит по чашкам. Какое-то время оба молчали, наслаждаясь ароматом и вкусом напитка. После второй чашки чая Ветер пододвинул к Елене блюдо с ее любимыми сладостями и пирожными.

– Как дела у Карен?

– Она сама расскажет, – ответила она, выбирая, что бы такое эдакое, вкусненькое съесть.

– Я хочу в твоей интерпретации.

Елена помедлила, перебирая в памяти случившееся и решая, что из этого важнее всего:

– Я хочу ей все рассказать про меня, так что она обяза-

тельно прибежит к тебе.

– Ты все-таки решилась!

– Скорее, меня вынудили.

– Вот как? – Ветер улыбнулся, аккуратно опустил на стол пустую чашку и подался вперед. – Мне очень интересно, кому удалось то, что не удалось мне.

– Ее новоиспеченному заместителю. – Елена резко поставила чашку так, что несколько капелек чая выплеснулись на стол. Ветер не обратил на это никакого внимания, или сделал вид, что не обратил.

– Между ними что-то серьезное? – поинтересовался он, наливая себе новую порцию напитка.

– Пока нет. По-моему, он очередной тупой солдафон, пожирающий ее глазами. Странно, что она этого не замечает. И вообще, рядом с ним она смотрится как ребенок – едва достаёт ему до плеча! – возмущенно ответила Елена.

– Ой-ой-ой, сколько недовольства! – съязвил Ветер, – такое ощущение, что ты свой рост с его сравниваешь, а не рост Карен. – Он внимательно посмотрел на Елену, та отвела глаза. Ветер спрятал едва заметную улыбку за глотком чая: – Сдается мне, дело не в разнице в росте, а в чем-то другом. Давай, выкладывай, чем он тебе не угодил.

Елена опустила глаза и сосредоточилась на пирожном. Она отщипывала от него маленькие кусочки и раскладывала их в ряд на блюде. Ветер наблюдал. Наконец, когда пирожное полностью было раскрошено, а крошки аккуратно раз-

ложены в форме круга, посередине блюда, она заговорила:

– Я ему рассказала, что нас двое в одном теле, а он поверил и заставил меня дать слово, что я расскажу об этом Карен.

Ветер расхохотался от души так, что не мог остановиться несколько минут. Елена хмуро наблюдала за его весельем. Успокоившись и утерев слезы, которые выступили от смеха, он высказался:

– Так дело в том, что он тебя переиграл! Может он и солдафон, но далеко не такой тупой, как тебе хотелось бы. Я с этим парнем еще не знаком, но он мне уже нравится.

– Он всем нравится, – недовольно проворчала Елена, вставая и направляясь к выходу, – с Вундермахером они играют в... нарды, Монкриф, Адамс и большая часть младших офицеров хором утверждают, что заместителя лучше него Карен не найти, а бывшая пассия никак не может его забыть.

Ветер ухмыльнулся и встал следом, подошел к ней со спины и мурлыкнул Елене на ушко:

– Тебе он тоже нравится?

– Нет. Он прямолинеен и приторно честен. Наверняка, есть какая-то причина этому.

– Правильный вывод, маленькая, – шепнул он ей снова на ухо и тут же сменил тему: – Так ты все-таки придумала, как вас разделить?

– Да. – Елена развернулась, и Ветер обнял ее. Она замерла в его руках. Ветер уже расстегнул верхнюю пуговицу на ее

блузке и принялся за следующую. Елена поймала его руку, сжала и покачала головой. Ветер ничего не ответил, провел по ее волосам, тронул за ухо, коснулся губ и подбородка. Нашел на ее запястье только ему известную складочку и нежно погладил ее. Елена глубоко вздохнула, голова закружилась, дыхание участилось, ноги подкосились, а по телу прокатилась теплая волна...

Усилием воли, взяв себя в руки, она отстранилась от Ветра:

– Вэй, правда, не могу! Хочу, безумно хочу, но не могу. – Она едва не плакала.

– Тогда это тебя не остановило. К тому же Карен все равно никогда не узнает...

– Достаточно того, что я знаю.

Ветер отпустил Елену и вернулся за стол к чаю. Елена чуть помедлила, тяжело вздохнула и вышла.

Ветер выбрал другую банку с чаем, черным, терпким и резким, и начал процесс заваривания заново. Он был уверен, Елена уже давно придумала, как отделиться от сестры, и каждую встречу ждал, что она, наконец, это озвучит, но она молчала. Спрашивать же самому он смысла не видел – если она еще не готова, то его вопросы будут лишним сотрясением воздуха. И даже если она ответит положительно, то будучи морально неготовой, неосознанно будет саботировать процесс разделения. Поэтому он терпеливо ждал. Что значит год или два, или даже пять, для того, кто способен прожить

больше двухсот лет? Пустяк...

Ветер поднял чашку и вдохнул нежный горьковато миндальный аромат чая.

Сильнее беспокоило его другое. Уже много лет Елена жаждала близости с ним, но по какой-то причине, себя наказывает, и отказывает себе в этом. Наверняка это как-то связано с Карен. Что-то происходит, Елена каким-то образом делает что-то, что считается неправильным. Что-то связанное с противоположным полом. А чтобы компенсировать ощущение того что она плохо поступает, наказывает себя отказом ему. Говорить с ней на эту тему бесполезно, она снова прикроется этикой по отношению к Карен. Если Карен узнает, о том, что не одна, ее активность и деятельность вполне способны ускорить реализацию задумки Елены. Остается ждать, но теперь есть надежда, что все изменится.

Он полюбовался на густой цвет напитка в чашке и сделал маленький глоток. По небу разлилась горячая терпкость, растворилась, ушла в кровь, оставив сладковатый привкус...

Однако, зачем ему самому все это надо, вся эта возня с Еленой? Это был очень трудный вопрос. Любовь? Глупость какая! Влечение? Тоже глупость, при нынешнем раскладе. Привязанность, привычка? Тоже нет, учитывая, что видятся они пару раз в год, и то, если повезет. Работа? Близко, очень близко, но не совсем верно. Елена для него была скорее как нечто, к созданию чего он приложил руку и много сил, она для него как... ребенок. Детка, которую он вырастил

для себя, и которая умрет задолго до того, как умрет он сам. Конечно, если не случится нечто сверхневероятное – например, он станет человеком, или она станет... Ветер улыбнулся сам себе и спрятал возникшую мысль до лучших времен, которые, возможно, настанут раньше, чем ему кажется. Или не настанут вовсе.

Глава 6

Карен разбудил весенний луч солнца, пробившийся из-за неплотно закрытых штор – он упал на лицо и темнота за закрытыми веками окрасилась в ярко-красный.

– Рой, сколько? – сонно спросила она, не открывая глаз и закапываясь глубже в подушку.

– Один день.

– Как всегда. Почему я никогда не помню первый день дома? – промычала Карен, накрываясь одеялом с головой. Вопрос уже давно был риторическим и не требовал ответа. Встать ей совершенно не хотелось. Она не чувствовала себя отдохнувшей, да и спала не очень хорошо. Во-первых, из-за глупых переживаний за Костолица, хотя тот еще даже не добрался до места. Во-вторых, надо увидеться с родителями. И если встреча с мамой это было легко и просто, то увидеться с отцом не было никакого желания. Чем она занимается первый день дома, который никогда не помнит, если родители приветствуют ее все время так, будто видят первый раз? Рой упрямо молчит, а родители только пожимают плечами.

Сон ушел, а скверное настроение осталось. Если она сейчас столкнется с отцом, то они точно поругаются. Она сейчас не готова безропотно стерпеть очередную завуалированную выволочку на предмет того, что она нерадивая дочь и зани-

мается тем, что нравится ей, а не тем, чем хочет он. Но ведь именно с его подачи ей прилетали задания от анонимных заказчиков с обязательным условием все проверить настолько тайно и незаметно, насколько это возможно. Она всегда знала, что политика очень грязная штука, но никогда не думала, что и ей придется основательно вываливаться в этой грязи.

Карен села в постели, кутаясь в одеяло – в комнате было довольно прохладно. Ей нравилась именно такая температура, когда снаружи зябко, а внутри, под одеялом, тепло и уютно. Высунув наружу только нос можно было через большое окно во всю стену смотреть на то, как снаружи идет дождь, сыплет снег или блестит на солнце зеркало пруда в другом конце поместья. Довольно часто на берегу появлялась фигура Ветра, такая маленькая отсюда. Можно было до посинения гадать, о чем он думает и так никогда и не догадаться...

С ее последнего визита комната не изменилась – то же зеркало во весь рост, тот же обшарпанный стол и старый комм, коробка с россыпью учебных мемори-чипов, которые ей уже давно не нужны, хотя вот некоторые старшие офицеры вовсе не гнушаются решать задачки. Хейдаганский букварь, который ее ужасно раздражал одно время – где бы она ни очнулась после провала в памяти, он неизменно оказывался рядом. Зачем она его таскала с собой, если в итоге по-хейдагански знала всего несколько слов? Внушительная коллекция энергетического оружия занимала целую стену напротив кровати. Хищный матовый блеск металла и сложные формы

плохо гармонировали с бежевыми тонами интерьера, ворсистым ковром и каскадом складок штор на окне.

Карен встала с постели, и замерла у зеркала, привычно удивившись непривычной вещи на себе – короткой кружевной ночнушке, хотя сама она предпочитала спать в одном белье. Дома провалы в памяти случались чаще и были короче по времени, но проблемы с головой были существенней. Однажды она пришла в себя и обнаружила, что одета в длинное платье, а один раз вообще в каком-то музее картин. Это ее беспокоило, и она даже решила обследоваться на Зеде. Но тамошний нейроменталист сказал, что у нее целый букет проблем, но никак не расстройство личности, и что максимум, чем она страдает, это легкая форма паранойи. Ветер говорил то же самое...

Бесшумно возникшая Рой выдернула ее из задумчивости:
– Вам письмо.

– Какое письмо? – Карен проверила комм и обнаружила ворох сообщений: отчеты, счета, контракты. Ничего такого, о чем стоило бы так отдельно докладывать. Она удивленно глянула на Рой, та пояснила:

– Бумажное.

– Что? От кого?

Рой протянула ей тонкий незапечатанный конверт. Карен рассмотрела его со всех сторон – ничего необычного, бумага как бумага. На конверте незнакомым, но очень красивым и ровным почерком было написано: «Для Карен». Внутри

лежал сложенный вдвое лист бумаги, с гербовой печатью дома Рэджи. Такие листы Карен были знакомы – у нее самой была их неполная пачка. Их иногда использовали для того, чтобы передавать личные сообщения или если требовалось произвести впечатление гербами и вензелями.

– Как оно сюда попало и что это значит? – потребовала она ответа у Рой.

Та пожала плечами.

– Лежало на столе. Прочтите и узнаете.

Карен вздохнула и развернула письмо. Тем же красивым почерком, что и на конверте было написано:

«Поговори с родителями о своей памяти, об этом письме и обо мне. Елена».

Карен медленно присела на кровать. В голове разом стало пусто, а в груди противно заныло: почему-то казалось, что ничего хорошего это, вроде бы безобидное, послание сегодня не сулит.

– Где мама? – голос не слушался и вопрос больше был похож на хриплый шепот.

– Завтрак уже был, леди Валеска распорядилась не будить вас, но просила передать, что вы можете найти ее в библиотеке.

Прежде чем встречаться с мамой, нужно немного прийти в себя. Карен без звука быстро переоделась и вышла из комнаты.

Автор письма в курсе ее проблем с памятью. Достоверно

об этом знают немногие – родители, Ветер, Кларк и теперь Костолиц. Остальные могут догадаться, сопоставив факты. Но кто из этих остальных мог бы написать такое послание на такой бумаге и просто оставить в ее комнате? Кто-то из прислуги? Вряд ли. Это давно проверенные люди, которые занимаются своим делом и не вмешиваются в дела тех, на кого работают. И среди них нет никого с именем Елена. По крайней мере, не было последний раз, когда она была дома. Значит, среди вопросов, которые нужно будет задать маме, не нанимали ли они кого-то нового.

Завтракать по всем правилам в столовой за огромным столом на сотню человек ей никогда не нравилось, потому она направилась напрямик на кухню. Повариха всплеснула руками, увидев ее, но мешать хозяйничать не стала. Обыскав холодильники и шкафы, Карен нашла все, что нужно для бутербродов и расположилась за одним из разделочных столов. Рой в углу безмолвно изображала из себя статую.

Карен не считала себя гурманом и была довольно неприхотлива в еде, могла спокойно обходиться синтетическими, сбалансированными и питательными, но не особо вкусными армейскими рационами. Но даже у нее периодически возникала потребность съесть что-то натуральное, имеющее привлекательный вид, вкус и запах. Карен с удовольствием вонзила зубы в бутерброд, щедро намазанный чем-то остро-сырным.

Мысли вернулись к письму. Послание не содержит ни

угроз, ни намеков на шантаж. Просто просьба: «поговори обо мне», и подпись «Елена». Еленой звали ее сестру, которую она абсолютно не помнила и которая, если верить родителям, давно уже умерла. Может быть ей врал? Но зачем?

В библиотеке вместе с мамой был и отец. К встрече с ним Карен была совершенно не готова и настроение, и так не особенно прекрасное, упало еще сильнее. Родители вполголоса обсуждали что-то, что отображалось на экране комма, но едва она вошла, замолчали и повернулись к ней. Видимо, что-то такое в ее облике было, что оба замерли на мгновение в замешательстве. Первой пришла в себя мама:

– Девочка моя, ты, наконец, проснулась. Я так рада тебя видеть! Последние несколько лет ты редко бываешь дома. – Она встала, протянула руки, и ее длинное темно-коричневое платье приятным шелестом отозвалось на ее движения. Карен с удовольствием позволила себя обнять. Одного роста с ней, мама выглядела тонкой и хрупкой, но только для тех, кто ее совершенно не знал. Она мгновенно считала состояние Карен и подбодрила ее незаметным мягким рукопожатием: «все будет хорошо».

– Я рад, что ты дома. – Сдержанно поприветствовал ее отец и тут же перешел к делу: – Вот приглашение на вечер, где тебе обязательно нужно быть. Тетя Наля подобрала тебе несколько неплохих вариантов для замужества, выбери тот, что тебе импонирует или предложи свой.

Карен рассчитывала услышать все что угодно, но только не это. Слова отца настолько ошеломили ее, что она даже за-была, зачем сюда пришла. Она бросила взгляд на маму, но та лишь едва заметно качнула головой: «не возражай». Предательница! И Карен взорвалась:

– Какие варианты?! Вы с ума сошли! Я не собираюсь замуж в ближайшее время. Я ни за что не брошу мой флот! И если я и выберу себе мужчину, то уж не кого-то из светских франтов. А ваша тетя Наля старая сутенерша с комплексом неполноценности на почве неудавшейся личной жизни! – Карен внезапно замолкла, она сама не ожидала от себя таких слов. Но отец будто их не слышал:

– Ты пойдешь на это вечер. – Он сдерживался и старался говорить спокойно, и у него неплохо получалось. – А своему флоту найдешь достойного командира. Я достаточно долго ждал, когда ты наиграешься и займешься наконец-то делом.

– Так моя работа, по-твоему, игра?! А как же дела Альянса, от которых смердит за парсек и которые так важны, что нужно все бросать и заниматься ими? Думаешь, я настолько дура и не сообразила, что инцидент на границе с Амалькрой был чистой провокацией. А те расследования нападения хасканцев, которых не было? Но ведь нужно было прикрыть Спарту, чтобы в новостях трывдели только о якобы новом оружии хасканцев! Это же их почерк – горы трупов и ни одной улики. Чтобы никто не знал, что корабли взрывались по всем системам из-за партии ее нестабильного лирия.

А у выживших свидетелей знающих правду, эта самая правда вдруг внезапно стала совсем другой. Хотя, что я говорю! Тебе ли из чистого кабинета опускаться до таких грязных мелочей? Пусть продажные наемники молча подчищают это все. Ах да, я забыла, это же не дело, это игра! Дело, по-твоему – пудрить нос в будуаре, обряженной в шелка, улыбаться светским подхалимам а в свободное время тратить деньги на салоны и модные магазины?

– Для начала ты побудешь моим секретарем, – медленно выдохнул отец.

– Никогда!

– Я так не могу. – Устало произнес лорд Влад. – Позже поговорим. – Он вышел, хлопнув тяжелой дверью. Леди Валеска опустилась в кресло и печально покачала головой, длинные серьги с лиловыми кристаллами качнулись в такт.

– Зачем ты так? Ты ведь сама хотела азарта, адреналина, риска и личной армии со своими собственными правилами. У тебя это есть и теперь ты морщишь нос от того, что работа твоя, видите ли, с душком, а свобода не такая уж и свободная. Отец с самого начала предупреждал, что так и будет, но ты отмахнулась, сказав, что тебе это не важно. И что же сейчас? Ты доросла до того, чтобы понять, во что именно вляпалась, но все еще не в состоянии отличить предложение помощи от нападок на себя любимую. Более того, перекладываешь на него ответственность за то, на что добровольно согласилась ранее.

– Предложение помощи?! – Карен переполняло возмущение.

– А разве нет? – Тонкие брови леди Валески взлетели вверх. – В рамках его возможностей, это максимум, что он может тебе предложить.

Карен тут же остыла. Мама права, в общем-то. У нее был выбор – служить в имперской СБ или Альянсу. Она сама захотела последнего, а в предупреждениях отца тогда увидела лишь очередную попытку отговорить ее. Отец, действительно, не виноват – такова система. Но теперь, чтобы избавиться от того, что ей не нравится, нужно отказаться и от того, без чего она себя не представляет – от флота. Все наемники – часть вооруженных сил Альянса, и это цена за свободу. Ты волен заниматься всем, чем вздумается, пока Альянс не позовет тебя. И уж лучше по его указке заниматься внутри мелкими диверсиями, зачистками пиратских притонов и прикрытием неудачных решений, чем на границе с Амалькарой поддерживать «добрососедские отношения» без объявления войны. И отца, выходит, она обидела зря...

Карен сникла окончательно. В горле стоял ком, мешая дышать, а руки мяли конверт с письмом, не хватало для полной красоты момента еще и расплакаться. Ну что за день сегодня? Сил стоять уже не было, и она присела на ручку кресла, в котором расположилась мама.

– Мам, ну какой из меня секретарь? Ты же знаешь, я воин, а не принцесса.

Леди Валеска накрыла руку Карен своей:

– Знаю. И отец знает, иначе не была бы ты тем, кем являешься. Прошу тебя, сходи на этот вечер и поговори с отцом по-человечески.

Карен только согласно кивнула. Она вдруг вспомнила про письмо, которое в ее руках превратилось в мятый комочек.

– Я не собралась ссориться и пришла поговорить совсем о другом, но отец первый начал... – Тонко звякнули кристаллы на серьгах, когда леди Валеска недовольно вздернула подбородок. – Прости. – Карен виновато вздохнула, немного расправила письмо и протянула матери: – вот смотри, это я получила сегодня утром.

Леди взяла письмо, медленно развернула, прочла и так же медленно свернула его. Повисла тишина, такая густая и вязкая, что можно было задохнуться. Карен уже отчаялась получить ответ, когда леди Валеска тихо заговорила:

– Что ты помнишь о своем детстве? – спросила она.

– Я не помню Елену, если ты это имеешь в виду.

Леди низко наклонила голову. Ее руки расправляли и разглаживали шелестящие складки на платье, и ее голос был похож на этот шелест:

– Тогда на Тароне было очень беспокойно. Из-за того, что Влад поддерживал официальную власть, на его жизнь дважды покушались. Третий раз оказался фатальным, но не для него, а для Елены. Она умирала, криосохранили тогда еще не было и ничего сделать было нельзя. Мы записали ее мен-

тальную карту. Но донора так и не дождались – технология была на рассмотрении в этической комиссии, и решение приняли в итоге в пользу запрета. Было тяжело, но мы смирились. А ты – нет. Втайне от нас ты уговорила доктора Бергера использовать себя в качестве донора для ментальной карты Елены. С тех пор вас двое в твоём теле.

Леди подняла голову, в её глазах блеснули слезы, она закусила губу и отвернулась. Карен встала и сделала круг по библиотеке. Её пальцы касались корешков старинных книг, но оглушенная она не видела ни этих книг, ни их названий. Она пыталась осмыслить то, что только что услышала:

– Я не поняла, Елена что, жива?

– Да. Но относительно. Её сознание вот уже тринадцать лет живет в твоём теле.

– Как это?

– Вы меняетесь. Сейчас доминирование над телом за тобой, а когда его берет Елена, твоя личность уходит вглубь сознания и у тебя...

– Провалы в памяти, – прошептала Карен, озабоченная догадкой. – Получается, что все то время, что я себя не помню, я не Карен, а Елена?

– Правильно. – Мать подошла сзади и обняла ее, но Карен даже не заметила этого жеста поддержки. В голове звенела пустота, а в горле застрял комок, мешая дышать, говорить. Хотелось убежать, спрятаться, свернуться в клубок

под одеялом и представить, что все это дурной сон и нужно всего лишь проснуться... Многое вдруг встало на свои места: странности в одежде после провалов в памяти, успехи в предметах, во время учебы, которые ей не давались, «лишние» вещи в каюте и дома...

– А что... – горло Карен вдруг сдавило. С трудом сглотив несколько раз, она вернула себе голос: – что с моей памятью? Почему я не помню ни Елену, ни того, что ты рассказываешь?

Мама обняла ее крепче, и шеи коснулся прохладный металл ее длинной сережки, а ухо защекотал каштановый локон. Эти простые ощущения вдруг привели Карен в чувство, вернули в настоящее, стали своеобразным знаком того, что все не так страшно, как казалось до этого.

– Я не знаю. Какой-то сбой, или Бергер что-то не так сделал. Ты забыла все. Не ходила, не говорила, не узнавала нас. Внезапно ненадолго появлялась Елена и также внезапно исчезала. Мы были в отчаянии. Целый год... – Голос леди сорвался, и она замолчала, пытаясь справиться с чувствами. – Целый год кромешного ада. А потом Влад нашел Ветра и все понемногу наладилось. Вы научились уживаться друг с другом в одном теле.

– А Елена тоже ничего не помнит, когда я... – Карен долго подбирала слово. – не сплю?

Леди разомкнула объятия и повернула дочь к себе. Нежно поправила непослушную яркую прядь, упавшую той на лицо

и покачала головой.

— Елена помнит все. Ветер говорит, что в те моменты, когда тело занимаешь ты, она находится на периферии твоего сознания. Она контролирует доминирование — может появиться, когда сочтет нужным, а может полностью уходить и ничего не помнить, как и ты. И вполне возможно, что в данный момент она нас слышит.

— О, боже! — сказала Карен вслух, про себя подумав о том безумном количестве глупостей, которые она совершала, уверенная, что кроме нее об этом никто не знает. И добавила: — Я шизофреник.

— Ну, не надо так реагировать, — мать тепло улыбнулась. Карен вымученно улыбнулась в ответ.

— Мне надо побыть одной и все обдумать.

— Конечно, дорогая, ты всегда можешь на нас рассчитывать, если тебе что-то понадобится.

Карен плохо помнила, как она добралась до своей комнаты. Она забралась в кровать и сжалась в тугой комочек, накрывшись одеялом с головой. Слез не было. Вообще ничего не было. Никаких чувств, полный вакуум. Только ощущение нереальности происходящего, будто не с ней и не здесь.

Она не знала, сколько так провела времени. Первая мысль, которая вдруг пронзила пустоту, была о том, что жить можно. Пусть она больная на всю голову и сама себе все это и устроила, если верить маме, но жить-то можно! Как-то ведь дожила она до двадцати шести. Да, она теперь знает про

Елену. Но это всего лишь знание, а не выстрел из винтовки. И это не то знание, которое может убить. Хотя, если верить маме, именно Елена решает кто будет занимать тело. И что ей мешает в один прекрасный день просто взять и навсегда остаться Еленой?

– Я никогда этого не сделаю, ты – моя сестра, я жива только благодаря тебе, – услышала она реплику в голове.

Карен вскочила, сбросив с себя одеяло, и огляделась. Кроме невозмутимой Рой рядом больше никого не было. Отпустив ее жестом Карен, схватившись за голову, медленно опустилась на кровать:

– Кажется, я окончательно схожу с ума, – простонала она.

– Нет, нет с твоей головой все в порядке! – ответил голос. – У меня есть возможность с тобой общаться, но Ветер категорически запрещает. Мне нельзя долго, спрашивай.

– Ты правда Елена, моя сестра? – обреченно спросила Карен, хотя ответ знала уже заранее.

– Да.

– И ты все про меня знаешь?

– Большую часть времени я глубоко сплю, а чтобы проснуться пользуюсь якорем на твою сосредоточенность. Тыходишь в это состояние, когда занята заданием. Поэтому я в курсе твоих дел.

Облегченно вздохнув, Карен поинтересовалась:

– Зачем через столько лет понадобилось говорить мне правду? Лучше бы я ничего не знала.

– У меня есть идея как нам разделиться. Я надеялась, вместе...

Карен ждала, но голос не возвращался. Происходящее все больше казалось похоже на бред, галлюцинацию или дурацкий розыгрыш. Но мама так шутить не стала бы.

Елена... Кто она? В памяти не было ни одного образа, ни одного намека, ни одной ниточки в прошлое, которая подтвердила бы, что сестра действительно существовала. Только портрет в кабинете отца с двумя белокуроими девочками близнецами. А может быть, на самом деле все гораздо хуже, чем ей рассказали? Возможно, сестры никогда и не было, а голос в голове – глубокое психическое расстройство. Не зря ведь Ветер столько лет с ней занимался.

Карен не знала, что теперь делать с полученным знанием. Взгляд ее упал на приглашение оставленное отцом. Она обещала маме пойти туда. К тому же все равно нужно как-то отвлечься, иначе от нескончаемого водоворота мыслей мозг рисковал просто закипеть. Глянув время, она прикинула, что в запасе еще около пары часов – вполне достаточно, чтобы успеть привести себя в порядок. Она с тоской заглянула в гардероб – платья, юбки, костюмы – все не то. Самый простой вариант это парадная форма волков – черное, красное и немного белого – нарядно и голову не нужно ломать. Рой будто прочла ее мысли:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.